

Сергей
Малицкий

БИЕНИЕ

Сергей Малицкий

**Биение. Камни Митуту.
Книга четвертая**

«Издательские решения»

Малицкий С.

Биение. Камни Митуту. Книга четвертая / С. Малицкий —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909254-0

Четвертая книга цикла «Камни Митуту». Демоны перестают притворяться людьми. Развязка — близка. Отчаяние — еще ближе. Принц Игнис и принцесса Кама, бастард Литус и маленькая Ува, их друзья, помощники и враги — все должны сойтись в одной точке. Поле древней битвы у Бараггала — ждет.

ISBN 978-5-44-909254-0

© Малицкий С.
© Издательские решения

Содержание

Пролог. Амади	6
Часть первая. Начало	13
Глава первая. Возвращение	13
Глава вторая. Несколькими днями раньше	20
Глава третья. Церритус	28
Глава четвертая. Совет	36
Глава пятая. Джокус	44
Глава шестая. Корча	50
Глава седьмая. Фидента	58
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Биение Камни Митуту. Книга четвертая

Сергей Малицкий

© Сергей Малицкий, 2019

ISBN 978-5-4490-9254-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Амади

Главная орда стояла у Хонора долго. Степняки любовались самой южной атерской крепостью, словно примороженным яблоком, прикидывая, как к нему подобраться да как сорвать. Бастионы на той стороне брода-переката казались неприступными, но орде приходилось преодолевать и более высокие стены. Атерские лучники не покидали бойниц днем и ночью, но менялись редко, значит, их было мало. Дымы поднимались над смоляными котлами беспрерывно, но что толку от смолы в зимние дни? Река сплеталась над переправой тугими струями, не замерзая, лед оседал на высоком берегу. На его гребне хонорцы ладили частокол. По каменной тропе над рекой, что напоминала выгрызенный неведомым камнерезом желоб, потоком тянулись с востока беженцы из Араманы, Бабу и Рапшу, ползли обозы раненых, шли истерзанные недавними битвами воины. С усталостью и ужасом смотрели они на маннские шатры, стоявшие за темной водой, но с еще большим ужасом оглядывались. И только близ крепостных башен Хонора как будто вздыхали с облегчением, не зная, что в последний день первого зимнего месяца небо на севере почернело и спасения не будет.

В тот день вокруг шатра Телоха встали с обнаженными мечами лучшие воины орды, выстроились живой цепью шаманы, а через час небо на севере расчертили молнии.

– Великий пришел! Правитель мира! – загудели и затряслись от ужаса колдуны.

Куда уж величественнее? – подумал старший евнух Телоха. Кто может тягаться с великим таном? Жалкий король Пурус или кто-то из его атерских вассалов? Или король Балзарг из-за восточных гор? Так разве Телох не оттуда же? Это еще неизвестно, кто станет правителем мира. Но уж во всяком случае не тот, кто обнаружит мир поверженным, а тот, кто его повергнет. Телох и никто иной.

Вслух евнух не сказал ничего. Он стал старшим лишь две недели назад и помнил слова предшественника – всякий ордынец ходит по углям, но евнухи по ним ползают. Поэтому распорядитель танского гарема униженно поклонился сиятельной охране и поспешил обратиться к своим подопечным, за которыми нужен был глаз да глаз, могли и лица друг другу расцарапать, и покалечиться в страхе от предстоящей встречи с Телохом, даже зная, что покалеченных все одно ждала смерть, только более страшная и долгая. Тот же Каб надругался бы над девичьей плотью так же, как его повелитель, но сначала бы содрал шкуру. «Раздел бы», как он шипел, плотоядно поглядывая на шатер гарема. А еще более мерзкий Очил мог и отсечь кривым ножом что-нибудь от тела выпавшей ему забавы и съесть у нее на глазах. А уж шаманы следили, чтобы бедняги не испустили дух раньше времени да не визжали громче положенного. Ужас...

Откуда только принесло эту погибель на маннские земли? Как откуда? Пришли-то даку с юга, но так балахонников белых с собой привели, что на вирском лопочут, да и сами не скрывали никогда, что они из-за восточных гор, из Эрсет... Из Эрсетлатари. Подмяли под себя всех. Одни таны простились с жизнью, другие упали на колени и покорились. Степная вольница сменилась кровавой. Все, до чего дотянулась орда, обратилось в прах, осклизло и запеклось. От Эшмуна и Миту до Самсума и Бабу. От Шадаллу и Эшшу до Ситту и Кунука. Сколько уже крови было пролито, и сколько еще прольется? И внутри орды все сцеплено ужасом и безумием, жестокостью и раболепством. За что поплатился жизнью старик предшественник? Ведь и слова не молвил! Простудился, скорчил гримасу, сдерживая чихание, да не так губы сложил. Усмешка почудилась Очилу. И ту бедолага стереть не успел, так и покатилась голова по ковру с усмешкой. Было чего бояться, было. И отобранные для великого тана жenuшки небеспричинно трясутся в большом шатре. Мало кто из тех, что трясутся там до них, выдерживал больше одной ночи с Телохом. Но те, кто погибал во вторую или третью, успевали поведать о многом, и теперь страх жил в каждой складке тяжелой ткани. Разве только принцесса Даккиты не боя-

лась ничего. В тень обратилась. Словно ее и не было. Сидела у стены шатра, или лежала на войлоке, или переступала с ноги на ногу, водила руками, словно танцевать собиралась перед Телохом. Может, и придется, сам евнух не присутствовал при забавах правителя, только ежилсь от истошного визга и хрипа из его шатра да приходил по танскому рыку, чтобы забрать то, что оставалось от очередной игрушки. Радовался, когда доводилось возиться с истерзанным телом, что за радость добывать хрипящее, булькающее кровью существо, да и что за жизнь калекой, к тому же и та заканчивалась после утех Каба или Очила. Любили помощники Телоха продлевать смертный ужас его жертв. Но дакитке и на это не было нужды рассчитывать, жилиста, конечно, но уж больно щедушна, и пикнуть не успеет, как дух выйдет. Случалось уже, приходилось волочить евноху вторую жертву на заклятие зверю в один вечер. Хотя эта дакитка как раз духом была никак не слаба, когда раз в неделю сам евнух или его предшественник для порядка охаживали подопечных плетью, она одна не издавала ни звука. Даже зубами не скрипела. Зря, духу, так же как телу, нужно давать слабину, нужно, а то ведь можно и помереть от напряжения, случалось такое, случалось. С пяток девчонок не выдержали ожидания, на зависть соседкам умерли от ужаса до встречи с великим таном. Радуйтесь, дуры, заботы одолевают Телоха, только они и продлевают ваши никчемные жизни, а как разгорится страсть, сразу дорогой товар пойдет в расход, а там и принцесса надобность свою обнаружит, да и кто бы ему ни понадобился – найдет недолгое применение.

Второй месяц зимы принес выюги и метели, навалился снегопадами, но морозцем, к счастью, так и не побаловал. Хотя Утукагава на перекате, по слухам, в последние лет пятьдесят не замерзала и в морозы, но мало ли чего не бывало не то что в последние пятьдесят лет, но и в полторы тысячи? Уже донеслись вести, что пал динский Саму, захвачена большая часть Самсума, разве только башни магических орденов не даются степным шаманам, но подберут они к ним ключ, подберут. Открыла ворота разжиревшая, но безвольная Пета, трясется от страха Махру и Касаду, куда отступили остатки самсумского и тиренского воинств. Туршу вроде бы тоже накрыло пеленой? Конец атерским королевствам близится, бесславный конец. Скоро вся Анкида будет под ордой. До самых прайдских башен доходили разведчики, и уже и прайды, и Самарра, и Галата присылали в орду караваны с продовольствием, в надежде откупиться от гнева Телоха. Напрасные труды. Нет никакого гнева у верховного тана. Только холод в его голосе и голод в его глазах. А данью голод не утолить, голоду нужна кровь.

Орда зашевелилась в середине месяца. Важное происходило за рекой. Беженцы на каменной дороге сменились воинами. Израненными, утомленными, едва бредущими. Лаэты и каламы, атеры и арамань отступали из родных земель. На второй или третий день этого отступления послышался дальний грохот, рокотом отозвались, загудели вершины гор Балтуту. Евнух даже выбрался на берег Утукагавы, смешался с толпой ордынцев, чтобы разглядеть, что творится на севере, и понял, что скалы, нависающие над вырубленной в камне дорогой, рушатся. Летят вниз, искря льдом и снегом, вздымая мерзлую пыль. Заваливают дорогу, скалываются с высокого берега Утукагавы. Видно, были приготовлены засечки в нависающих над желобом глыбах на особый случай, да только распорядился случаем кто-то чужой, потому как глыбы рушились на головы отступающим, а прямо на скалах как будто мелькали быстрые тени. Но едва осела пыль, тени обратились черной пеленой, которая облепила горный склон, зашевелилась и поползла, и евнух, который в последние пять лет уже перестал вздрагивать и пугаться, замер.

– Гахи, гахи, гахи! – понеслось между ордынцами.

Евнух поежился, поднял воротник стеганого халата. Когда он впервые услышал о неведомых воинах, вышибающих виров и араманов из их неприступных тысячи лет крепостей, то долго не мог взять в толк, что значит – «не люди»? Вот даку не люди, дакиты – почти люди, да и что там, считай, что люди, разве только клыки у них. Но так и даку, как говорят, все одно люди. Хотя как посмотришь на Телоха, да и на того же Каба или Очила, или на любого из тех

нескольких сотен даку, что пробудили орду от спячки шесть-семь лет назад, взяли ее под свое начало, навели порядок в степной вольнице, создали страшные ватаги безумных воинов. Разве они люди? Выходит, что люди. А эти...

Ползушие по скалам, словно муравьи, воины, которых были сотни, тысячи, наверное, десятки тысяч – издали казались людьми, но даже даку не могли бы сравняться с ними в ловкости. Вот они приблизились к стенам Хонора и сразу полезли по каменной кладке вверх. Полетели стрелы, полилась смола, закипел бой. Началась осада. Неправильная осада. Страшная осада. Неутешительная для хонорцев.

Забил барабан у шатра Телоха.

– Быстро! – прошипел обнаруживший себя за спиной евнуха Каб, правая рука Телоха. – Собирай баб, уходим.

– Куда? – не понял евнух и тут же осекся, потому как не имел права говорить ни с одним из даку. Но Каб не только не проткнул клинком тушу презренного служителя, но даже не ударил его. Оскалил клыки и прошипел:

– Две лиги вниз по течению. Барка там стоит для твоего табора. Через час должен быть там. А через неделю в Самсуме. Телох проредит твоё хозяйство на месте. Чтобы все были готовы – чисты и без ссадин. Уж побеспокойся.

Евнух еще успел наслушаться сетований ордынцев, которые спешно скручивали шатры, о том, что поживы в Самсуме не будет, потому как тысячи Очила уж точно вычистили великий город, так что придется идти в Махру или Касаду. Хотя вроде бы Эбаббар равняется богатством с Самсумом? Неужели оставит его великий тан в небрежении? А то ведь Хонор, Утис и Фидента уж точно достанутся в разграбление гахам, кто бы они ни были. Видано ли, добычу, что в руки просилась, уступить неведомо кому?

Степные воины не были словоохотливы, но почти два месяца, проведенные на одном месте, расслабили их. «Ничего, – подумал евнух, меся сапогами из тонкой кожи зимнюю грязь низкого берега, – слетит один или два десятка голов с плеч, сразу подберутся и языки, и в глазах появится прозрачность и спокойствие. Хотя, интересно все же, куда направит войско Телох? И что за черная напасть стоит на севере, мешая идти орде напрямик?»

Женщины были загнаны в трюм под надзором младших евнухов, а их старшина остался на корме. Всю неделю кутался в теплое одеяло, тянул руки к жаровне и смотрел на темную воду, лишь раз в день спускался вниз, чтобы размяться, посечь толстым ремнем, который не рвет кожу, спины и ягодицы наложниц. Прошли прежние времена. Раньше евнух мог и головы лишиться, если хоть одна из жен великого тана пожалуется на него, даже на щипок упругой плоти, а теперь опасаться следовало недовольства Телоха из-за нерасторопности и шумливости несчастных. Хотя, какая может быть расторопность на пути к смерти? Или недовольства следовало бояться, а холода? Того самого холода, который окатывал евнуха от взгляда Телоха и который он замечал в глазах даккитской принцессы? Каждый день она вставала с топчана, молча одергивала грубое платье, пряча багровые полосы на теле, послушно приближала лицо к тусклой масляной лампе. Евнух вглядывался в черные глаза, но не видел ни испуга, ни ненависти. Только холод, который заставлял его дрожать так же, как взгляд Телоха. Что у нее на уме, у этой тонкой и жилистой девчонки? Да что бы то ни было! Что она может сделать против зверя? Разве только разорваться на части не с визгом, а в гордом молчании?

Самсум показался через неделю. Над холмами, над крепостными стенами, над окраинными улочками, убегающими от порта к ратуше, башням, храмам, стоял уже истаивающий дым. Вдоль берега теснились барки орды, многие из которых блестели свежим деревом. Рабы из чекеров и ханеев латали урон, нанесенный защитниками великого города. Самсум пал, и разноцветные шатры, заполняющие портовую площадь, были подобны ярким лентам, которыми украшают усыпальницу атеры, прежде чем придать мертвое тело пламени.

– Быстрее! – заорал мордастый манн-тысячник, едва барка притерлась к войлочным валкам, брошенным с пирса. – Магические башни пали только два часа назад, и Телох жаждет отпраздновать победу! Прямо там! Девочек к нему! Быстро! Шатер после! Там уже ставят два шатра, и для девочек, и для праздника!

Вот как раз этого евнух и не любил. Не терпел нарушения раз и навсегда заведенного порядка. Девочек следовало омыть после дороги и уж хотя бы дать им оправиться. Но что толку их омыwać, если от порта до площади с башнями было три или четыре лиги хода? Или меньше? Давно евнух не был в Самсуме. Еще мальчишкой бродил по его улицам, и уж конечно, тогда он еще не был евнухом.

– Ты слышишь меня?! – заорал еще громче манн.

– Слышу, – ответил евнух. – Но если Телох выразит неудовольствие, что его жены несвежи, я скажу, что виноват ты.

– Так... – оторопел манн.

– Десять минут, – скривил губы евнух. – Десять минут, и они будут готовы. У меня два котла с горячей водой. И есть во что закутать девчонок, чтобы холодный ветер с моря не просквозил их. Даже если для некоторых из них это будет последним омовением. А ты пока найди мне сорок лошадей. Только для меня и девочек. Их тридцать девять. Лучших девочек для самого великого тана. И никакой задержки не будет.

Они все сделали быстро. И не потому, что широкая плеть подрагивала в руках их надсмотрщика. Каждая знала, что ужасный конец неизбежен, но каждая надеялась на чудо, потому что только в этой надежде можно было укрыться от безумия. Неизвестно, какого чуда они ждали, уж во всяком случае не внезапного чувства, которое могло бы преобразить зверя, но каждый день среди тихих, наполненных животным страхом разговоров главной темой было одно – даку такие же люди, и им свойственно испытывать те же чувства, что и людям. Наложницы пересказывали друг другу сотни выдуманных историй о благородных даку, перебивали друг друга, заучивали сказки и уверялись в их подлинности, словно были их свидетелями. Поэтому и единственная среди них дакитка так заинтересовала прочих. К ней подступились в первый же день, окружили кольцом, и принцесса, поняв, что отмолчаться не удастся, окинула несчастных холодным взглядом и сказала, что знала многих даку, а у одного даже бывала в гостях. И что у того много детей дацитов, а жена его обычная женщина, ружка.

– Значит, можно, можно? – восхищенно зашептали страдалицы, но принцесса только помотала головой.

– Нет.

– Почему?

Они были готовы ее растерзать.

– Телох – не даку, – проговорила принцесса. – Он зверь в облике даку. Телох – это смерть.

– Правильно, – выговаривал ей евнух, охаживая принцессу ремнем в первый раз, – Телох – это смерть. А я – это боль. И придержи язык, нечего болтать. Тут уши и у стен, и у шеста, и даже у шнура, что зашнуривает полог. Поняла?

Ничего не ответила принцесса, только одернула платье и на мгновение показала над нижней губой острия клыков.

– Ты угрожаешь мне? – задохнулся то ли от удивления, то ли от смеха евнух.

– Я убью тебя, – прошептала она чуть слышно. – Если выживу.

Он уже замахнулся, чтобы протянуть ремнем поперек скуластого лица, но сдержался. Последние слова остановили. Девчонка явно была готова к смерти. Ну, уж хотя бы с нею проблем не будет, не придется отпаивать успокаивающими травами и нести на усладу великого тана на плече. Эта пойдет сама.

– Не выживешь, – покачал он головой и, ловя лопатками странный холод, поползший вдоль позвоночника к усеченной плоти, отбросил ремень в сторону.

Теперь принцесса сидела на одной из лошадей и, несмотря на опаску евнуха, явно не собиралась совершать попытку к бегству. Она ехала навстречу собственной смерти. И держалась так, словно хотела запомнить собственную смерть навсегда.

– Не дрожишь? – окликнул принцессу евнух. – Как там тебя зовут? Эсокса Гиббер? Думаешь, Телох захочет породниться с правителями Даккиты?

– Зачем? – обратила она на евнуха холодный взгляд. – Зачем ему родниться с кем бы то ни было, если вся Анкида, вся Ки катится в пропасть? Теперь значение имеет не родство, а только смерть. Ты боишься смерти, евнух?

На мгновение ему показалось, что это не он ведет вместе с десятком ордынцев лакомых девок на растерзание в логово ужасного зверя, а она, вот эта хрупкая девчонка, направляет его к собственной смерти.

– Плетей, – прошипел евнух в бешенстве. – Плетей получишь столько, что сидеть не сможешь! Сегодня же, если Телох тебя не выберет!

– Выберет, – позволила она себе улыбнуться. Или даже не так. Она улыбнулась. Так легко, словно и не собиралась умирать ни сегодня, ни завтра, никогда. И холод снова прокатился по спине евнуха.

Магических башен на площади не было. Вместо них из камня торчали закопченные огрызки стен, пахло кровью, нечистотами и паленой человечинной. Разодранных на части, искалеченных тел было разбросано по площади больше, чем разлетевшихся камней из обрушившихся строений. Женщины негромко завывали.

– Тихо! – зарычал евнух, обернувшись, и повел обезумевший от страха отряд в сторону, огибая развалины и выбираясь к северной части площади, где уже стояли два огромных шатра. Сам Телох высился между ними, и один из двух его помощников, уступающий ему ростом не более чем на ладонь, Каб тоже был здесь. И всюду, вокруг на лошадях, у костров, раненые и бодрые, уставшие и здоровые роились манни и даку, словно только что вышедшие из битвы, и те из шаманов, что выжили после взятия колдовских башен.

– На колени! – прошипел евнух, придерживая лошадь и сползая с нее в полусотне шагов от шатров. – На колени, мерзавки!

Зашелестели юбки и халаты, захрустел камень и лед под округлыми коленями. Негромкий вой затих, остекленел в глотках.

– А ты? – прохрипел, почти прорычал утробно Телох.

Евнух медленно покосился в сторону и оцепенел – принцесса стояла.

– Я принцесса Даккиты Эсокса Гиббер, – ответила она гордо. – Я не встаю на колени.

– Да ну? – оскалил пасть Телох и повернулся к трясущемуся евнуху. – Слышишь, падаль? Ее ко мне в шатер. И сам останься. Надолго ее не хватит, так что забережь сразу, а потом уж приведешь самую толстую, что есть. Понял?

– Понял, – как немой, закивал евнух и на четвереньках, не поднимаясь, бросился к мерзавке, ухватив ее за ногу, поднялся и, накрутив на руки черные волосы, забросил на плечо. Ведь и в самом деле, не весила почти ничего, не упиралась, но отчего же почудилось, что в руках у него пружина взведенного самострела? И отчего показалось, что когда он внес вслед за Телохом принцессу за полог шатра, войлок будто завис на мгновение в воздухе? Евнух даже обернулся, но не разглядел ничего. Улица, оскаленные рожи ордынцев, силуэты женщин, которых Каб повел во второй шатер, скрылись. Внутри шатра не было ничего лишнего. Только основа из четырех шестов, вознесших внутренний куполок шатра на недостижимую высоту, лампы, висевшие на тех же шестах, роскошное одеяло, устилающее камень, четыре жаровни по углам, заговоренный, усыпанный амулетами канат, протянутый вдоль стен и два десятка лучших маннских воинов, стоявших с обнаженными мечами за ним.

– Что ж, – обернулся к тонкой фигурке Телох, – не хочешь встать на колени, умрешь стоя. Или сделать тебя королевой? Что будем рвать в первую очередь? Может быть, рот? Как раз по росту.

– Ну так подойди, – ответила принцесса, заставив евнуха заледенеть уже окончательно. – Или ты хочешь сказать, что дотянешься своим отростком до моего рта за десять шагов? Ты себе льстишь.

Телох обратился в зверя мгновенно. Нет, он не встал на четыре лапы, тем более что имел обыкновенные руки, пусть даже они и были размером с лапищи рефаима, но он ринулся на хрупкое существо уже не для того, чтобы получать удовольствие или даже истязать ее и мучить, он ринулся убивать. И споткнулся в двух шагах. Замер, словно наткнулся на прозрачную стену. И евнух, который моргал от тусклого света и чада ламп, вдруг явственно различил не только невесть откуда взявшуюся рукоять кинжала, торчащую бобышкой между ключицами великого тана, но и багровые кольца, которые вдруг обрисовались на его груди и стали медленно уходить в плоть, шипя и одеваясь валами горелого мяса.

– Вот так, – почти безучастно произнесла Эсокса, шагнула вперед, словно и не было перед ней никакой стеклянной стены, выдернула из ножен на поясе скулящего, обездвиженного зверя кинжал и рассекла им звериную гортань почти до хребта.

– Молодец, – донесся до евнуха чей-то чужой, едва различимый голос, а вслед за этим огненные кольца соединились в одно, вспыхнули ярким пламенем, и, протерев глаза, евнух вдруг понял, что Телоха больше нет, а в шатре идет сеча, и уже ковер занимается пламенем от разбитой лампы. Евнух выкатился наружу кубарем, а вслед за ним кубарем выкатились несколько воинов, чтобы бездыханно распластаться на ледяных камнях, а затем, распоров стену шатра, вывалилась наружу и сама схватка, в которой лучших воинов орды сек, убивал, резал, лишал жизни кто-то незнакомый, не Эсокса, кто-то другой, хотя тоже женщина, но более высокого роста и такой красоты, что не попадалась евнуху еще ни разу.

Вой поднялся над площадью, заорал о чем-то Каб, и сразу несколько сотен воинов и шаманов ринулись на незнакомку, но она продолжала резать и убивать, пока трупов вокруг нее не стало больше двух сотен, и даже сам Каб отлетел в сторону, зажимая почти отсеченную руку. Только тогда в немыслимую воительницу полетели стрелы. Почти все отскакивали от невидимого доспеха, или воительница уж больно была ловка, но некоторые все-таки находили дорогу к ее телу. В обратную сторону колена, локтя. В прорезь ворота. В бедро. В спину. Но она продолжала сражаться до тех пор, пока очередная стрела не вошла ей в глаз. Только после этого женщина упала сначала на колено, а потом, сдирая со спины крохотный заплечный мешок, опрокинулась на спину.

– Что там у нее? – захрипел Каб, перетягивая руку ремнем. – Шаманы! Держите ее! Не дайте ей умереть!

«Как же не дать ей умереть? – подумал евнух. – Стрела пронзила ей голову. Как же? Откуда она взялась, эта сумасшедшая? И куда делась Эсокса?»

Колдуны начали приближаться к неизвестной. Та хрипела, булькала кровью, но держала в руках мешок, стискивая в нем что-то похожее на два горшка или два кочана капусты.

– Шаманы? – прорычал Каб. – Что там у нее?

– Магии нет, повелитель! – закричали сразу несколько шаманов. – Нет!

– Что там у тебя? – поднял левой рукой меч Каб.

– Подарочек, – прохрипела незнакомка. – Кому подарочек? Подходите, собачье семя!

– Заберите это у нее! – зарычал, пятясь, Каб.

– Кольца! – раздались крики столпившихся над женщиной шаманов. – У нее кольца на груди! Огненные кольца! Ведьмины кольца! Она не человек! Кто-то развоплощает ее! Да она сама...

Вспышка ударила евнуха в глаза, а потом страшный грохот оглушил его, сбил с ног и лишил сознания.

Когда евнух пришел в себя, над площадью стояла тишина. Воняло кровью, саднило обожженное лицо. Среди дымящихся трупов возле уцелевшего шатра, в котором, наверное, дрожали от ужаса бывшие жены Телоха, бродили шаманы и воины. В одном из них, с которого лохмотьями слезала шкура, евнух узнал Каба. Значит, ни один евнух не останется без работы, потому что Каб жив, а он охоч до женщин, и уж теперь...

– Лежи, – вдруг услышал он голос принцессы.

– Что? – оглянулся евнух. Рядом никого не было. Он поднялся на руках, с трудом встал на колени.

– Ну, зачем же? – услышал он снова голос принцессы. – Зачем же вставать?

– Чего ты хочешь? – в ужасе прошептал евнух, вертя головой и пытаясь увидеть Эсоксу.

– Выполнить обещание, – услышал он в ответ и почувствовал, как сталь входит ему в загривок.

Часть первая. Начало

Глава первая. Возвращение

Отряд из трех всадников – мужчины и двух молодых женщин – не пробился к Кируму и к исходу второй недели после выхода из Ардууса. Сначала какая-то погань выныривала из перелесков, тоже как будто рвалась к Кируму, но, завидев путников, бросалась на них с яростью. Охваченные бешенством псы, вымазанные в примерзшей земле кабаны, а иногда словно поднявшиеся вместе с лошадьми из могильного упокоища всадники заставляли выдерживать из ножен мечи и сражаться с ними, а порой и укрываться в распадках или в еловых чащах, отступать, если врага было слишком много. А потом на пути странной троицы встала магия. Казалось, вот за этим, присыпанным черным пеплом перелеском должны были начаться окраинные деревни, вот знакомый распадок, вот захлебнувшаяся в черной грязи между ледяными берегами речка, за которой на тракте обычно стоял кирумский дозор, вот-вот покажутся окраинные дома самого Кирума, но из-за голых стволов придорожной рощи, из оврага, из покрытого сухой осокой болота выкатывались белесые тени, и отряду приходилось отступать к северу. Они неплохо рубились – эти полупризраки-полувоины с мглистыми лицами, и двигались не слишком быстро, но, будучи разрубленными, распадаясь на части, как рассеченные пополам тюки с соломой, поднимались на ноги через минуту, а их такие же мглистые мечи хоть и не могли рассечь простейший ардуусский доспех, но обжигали кожу и пугали коней. Однако стоило отойти к северу на лигу или на две, морок исчезал, и вновь перед путниками оказывалась безжизненная, одевшаяся к середине зимы в черное равнина с брошенными деревьями, безжизненными рощами и забывшими о путниках дорогами.

– Что со мной не так? – в который уже раз, скрипя зубами, повторяла Бибера. – На меня не действует магия! Отчего я вынуждена сражаться с этим мороком?

– Моя сестрица, Кама, ловка разжигать костры, – пробормотал, прервав раздумья, Игнис. – Делает она это магией, но и пламя, которое охватывает хворост, и тепло от него – настоящие. Или ты думаешь, что могла бы посидеть на таком костре без вреда для себя?

– Это магия, – кивнула Брита, вторая спутница Игниса, – но не вполне морок. Кстати, и я, и принц порядком нахватали ожогов, а ты нет. Только твоя лошадь. Что ты видишь, Бибера?

– Тени, – пожалала она плечами. – Белесые жгуты, которые жалят острыми языками. Я бы даже сказала, что один пласт тумана, вооруженный сотнями жал. Он поднимается из земли, из болота, из воды, из снега всякий раз, когда мы пытаемся приблизиться к Кируму!

– А мы с Игнисом видим воинов, – посмотрела на принца Брита. – Для нас они выходят из-за деревьев, появляются ниоткуда, но...

– Но пройти их мы не можем, – кивнул Игнис. – Как ты сказала, Бибера? Пласт тумана поднимается из земли, болота или воды всякий раз, когда мы пытаемся приблизиться к Кируму? А если нам не идти к Кируму?

– Подожди, – не поняла Брита. – Да, нам нужно в Утис, но Кирум мы не минуем.

– Кажется, Светлая Пустошь не пускает нас именно к Кируму, – ответил Игнис, осматривая не слишком хороший ардуусский меч, который, судя по зазубринам на клинке, вряд ли мог послужить ему долго. – Как раз над Кирумом стоят эти дымы на горизонте или мглистые смерчи.

– Светлая Пустошь? – не поняла Брита.

– Хорошо, – задумался Игнис. – Кто-то не пускает нас к Кируму. Уж больно эта магия не похожа на все, что мне приходилось испытывать в Пустоши. Но кто бы это ни был, нам в Кирум и не надо. Мы уже обходили эту мерзость и с востока, и с запада, везде она. Но пере-

права ведь не только у Кирума? Уйдем к северо-востоку, до отрогов Балтуту тут едва ли будет полсотни лиг. А потом пойдем не к Кируму, а к Фиденте. Обогнем поганое место. Тем более наши припасы на исходе, мы не можем бесконечно тыкаться в это марево. Доберемся до Фиденты уже завтра к вечеру. Вряд ли кто-нибудь сможет нам помешать. Кажется, сейчас на этой равнине, кроме странного морока, нет ничего. Погань пока иссякла.

– А почему нити, которые дал нам Софус, не помогают? – не унималась Бибера. – Не помогали, когда мы рубились с поганью, не помогают и теперь. Колдун ведь сказал, что Светлая Пустошь будет видеть в нас слуг?

– Они побледнели, – пробормотал Игнис, рассматривая желтоватую нитку на запястье. – Начали бледнеть с первого дня. Я бы не полагался на такую защиту. К тому же мне пришлось видеть, как именно такая нить подчиняла себе. И подчиняла непростого воина, очень непростого.

– Так, может, нам снять их? – насторожилась Брита.

– Подождем, – задумался Игнис. – Я не знаю, что будет, если мы их снимем. Давайте хотя бы покинем эту равнину, уйдем из Пустоши.

– А у нее все еще есть границы? – скорчила гримасу Бибера. – Мне так кажется, что она раскинулась на всю Анкиду.

– И что с того? – раздраженно пробурчала Брита. – Из металла, что хватит на кубок, можно выковать шлем, но вряд ли он защитит в битве.

– А кубок защитит? – рассмеялся Игнис.

– Несколько кубков, – снова скривилась Бибера и спросила: – Но кто распоряжается Светлой Пустошью?

– Не знаю, – ответил Игнис и посмотрел в сторону покинутого Ардууса. – Пока не знаю. Поспешим. Скоро начнет вечереть.

Они выбрались на перекресток уже в сумерках. У небольшой часовни сходились пять дорог. Одна из Ардууса, другая из Тимора и Бэдгалдингира, третья из Аббуту. Две дороги уходили на юг – одна в Кирум и Фиденту, другая в родной для Игниса Лапис. Принц спешил, ударил кулаком по граничному столбу Ардууса, что торчал недалеко от часовни, оглянулся:

– Остановимся здесь. Завтра пойдем по лаписскому тракту, свернем к Фиденте уже у реки.

На мгновение принц закрыл глаза и вспомнил, как почти семь лет назад он вместе с отцом и матерью, с братьями и сестрами, с королевской свитой двигался этой дорогой, приближался к разрешению собственной судьбы.

– Энки благословенный, – послышался голос Бриты.

Игнис повернул голову. Его спутницы стояли у камня, лежавшего возле начала одной из дорог. Из гранита торчали потемневшие от времени бронзовые рукояти, между ними, как будто выжженная в камне, вилась надпись – «Сор Сойга, дакит, благословение Энки, тысяча четыреста девяносто девять».

– Вот мы и свиделись, – прошептал Игнис и тут же поморщился, словно попытался разогнать накативший не только на древнюю равнину, но и на него морок. – В часовне как будто есть дрова и даже немного сена. Разводим костер. Надо растопить снег и напоить лошадей. Судя по отсутствию следов на дороге, пару недель на ней уж точно не было никого. Завтра к вечеру попробуем добраться до переправы. Надо поспешить, да и припасов у нас осталось немного.

Пробуждение оказалось ранним. Но не потому, что солнечные лучи разбудили путников, или мороз подобрался к ним, несмотря на жар от костра и теплые одеяла, хотя неприятный сырой ветер и овеял лица. Накативший ужас заставил открыть глаза Бриту и Игниса.

У столба стоял мурс. Лицо его белело бледным пятном, горло перехватывал алый, словно горсть болотной ягоды, шарф или платок. Все остальное – длинные волосы, провалы глаз, балахон – были черно. Преодолевая оцепенение, Игнис стиснул кулаки, попытался вспомнить заклинание отворота, но призрак уже поблекнул и исчез.

– Веп, – разомкнула губы Брита.

– Откуда ты знаешь его имя? – удивился Игнис.

– Мать научила меня, – ответила Брита. – Даку знают всех оставшихся после Лучезарного мурсов по именам. Я не каждого могла бы узнать, но Веп не узнать сложно. У него кровь на груди. Видел?

– Разве это не платок? – не понял Игнис.

– Кровь, – уверенно проронила Брита. – Течет и не сворачивается. Поскольку Веп присматривает за Светлой Пустошью, а там этой крови пролито столько, что она не иссякнет никогда.

– Он мог вселиться в одного из нас? – спросил Игнис. – Чего он хотел?

– Не знаю, – буркнула Брита. – Вселиться вряд ли. В тебя так просто не вселишься, а я защищена амулетами. Да и так... научена разному. А Бибере плевать на мурсов. На нее и в самом деле не действует магия. К тому же Веп никогда ни в кого не вселялся. Я, во всяком случае, слышала, что он и в таком виде может держать в руке меч. Он один из самых сильных.

– Сколько их всего? – спросил Игнис.

– Около двух десятков, – ответила Брита. – Но вроде бы половина из них уже не здесь. Развоплощены. Я мало что могу сказать об этом.

– О чем? – зевнула, потягиваясь, Бибера.

– Мы видели мурса, – объяснил Игнис.

– Почему ж вы не разбудили меня? – обиделась Бибера.

– Потому что мы не в балагане, – ответила Брита. – Я думаю, нам нужно поспешить. Сегодня что-то должно случиться.

– Что именно? – не поняла Бибера.

– Что-то, – ответил Игнис, приглядываясь к низким и темным облакам. – Такое ощущение, что чаша полна и что-то вот-вот переклестнет через край. Поспешим. Должен же быть край у этой черной равнины?

– Надеюсь, – кивнула Брита. – Кстати, ничего нет светлого в этой Светлой Пустоши.

– Зато ее зачинатель, говорят, исходил светом, – недовольно пробурчала Бибера. – Мы есть будем или нет? Если скоро Фидента, можно было бы и доесть все, что осталось.

Переклестнуло в полдень. В один миг равнина из черной стала светло-серой. Только что давила тьмой и вдруг поблекла, осветлела и даже как будто засверкала серебром. Отряд, который успел преодолеть половину пути до реки, остановился на выветренном плоскогорье. Игнис спрыгнул с лошади, ударом ноги проломил серую корку, увидел под ней все тот же снег, наклонился, растер пепел между пальцами, понюхал его, но не почувствовал запаха.

– Что скажешь? – посмотрел он на Биберу, которая последовала его примеру.

– Нет магии, – подала голос Брита. – Вы еще не поняли? Не знаю уж, что случилось в Ардуусе две недели назад, но мы все это время гнали лошадей словно по мутной воде. И вот магии нет. И ветер стих. Вот она – Светлая Пустошь...

– Точно, – выпрямилась, отряхнула колени Бибера. – Я, конечно, принялась за эти дни, но поначалу тленом воняло так, что тошнота стояла у горла. А теперь... запаха нет. Такое ощущение, что пеплу тысяча лет.

– Или полторы тысячи, – поправил ее Игнис, оглядываясь.

Небо над головой оставалось таким же серым, как равнина вокруг, разве только уже близкие, кажется, руку протяни, белоснежные пики Балтуту отыскивали где-то солнечные лучи, да

чернота, что прежде окутывала весь горизонт, копилась только на западе у Бараггала. Теперь, когда не стало ни ветра, ни запаха, но и магия не застилала взгляд, не была в ноздри, не гудела в ушах, начал ощущаться легкий морозец. Слишком легкий для этих дней. Если что и баловало жителей истерзанной колдовством Анкиды в самом начале одна тысяча пятьсот шестого года от битвы при Бараггале, то это зима. Мягкой она пока выходила. Мягкой и беззащитной, как сама Анкида, середину которой теперь покрывала серая короста.

– Может быть, путь к Кируму теперь открыт? – посмотрел на Бриту Игнис, и в этот миг Бибера вдруг закричала:

– Какого демона?! На меня ведь не действует магия!

– Что там? – шагнул к племяннице короля Бэдгалдингира Игнис.

– Перстень твой... – блеснула слезами Бибера, сдирая украшение с пальца. – Горячий! Точно волдырь будет! Раскалился! Да что ж ты!..

Брошенный перстень зашипел в снегу, камень украшения засиял нестерпимым светом, затем померк и осыпался все тем же серым пеплом. Позеленевший от нагрева металл блеснул каплями расплава и утонул в грязи.

– Нити, – показала запястье Брита. – Их нет.

– Пока они с вами, Светлая Пустошь видит в вас своих слуг, – прикладывая к обожженному пальцу снег, вспомнила слова колдуна Бибера. – Что же выходит? Обманул нас старик?

– Сам обманулся, – пробормотал Игнис, возвращаясь к лошади. – Софус... Намтар... Кто он на самом деле? Не знаю... Может, оно и к лучшему. Это не магия обожгла тебя, Бибера.

– А что же тогда? – нахмурилась девушка.

– Освобождение от нее, – поднялся в седло Игнис. – Закончился срок, и заклинание, заключенное в перстне, распалось. Или кто-то захотел, чтобы оно распалось. Но силы в нем было много, так что... Ты еще не поняла? На тебя не действует именно морок. То, что обманывает слух, взгляд, вкус. Может быть, и еще какая пакость, но если магия разрушает тот же камень? Ты крепче камня? Радуйся, что палец цел.

– Я не камень, – скривила губы Бибера. – Но чье это колдовство? Здесь никого нет, кроме нас троих! И кто может проявлять ловкость из-за горизонта?

– А кто может раскидывать Светлую Пустошь от горизонта до горизонта? – спросил Игнис. – Конечно, она могла раскинуться и сама, но мне кажется, что у нее появился правитель. И вряд ли это был тот мурс, что показался нам утром. Если только он навел на нас... кого-то.

– Но зачем ему мы? – не поняла Бибера. – Не мурсу, этому правителю? И уж во всяком случае, если он пыляет к тебе ненавистью, Игнис, откуда он мог знать, куда послать мурса?

– Он мог искать нас долго, – тронул коня Игнис. – Да и велика ли забота проверить дороги?

– Пусть, – не унималась Бибера, – но разве король Ардууса повелевает мурсами? Равнина почернела в день его провозглашения императором, ведь так? А что теперь? Появился новый правитель? Или недавний придумал себе еще какой-нибудь титул? Кто все это делает, мне может кто-нибудь объяснить?

– Кто-то, – обернулся, придержав коня, Игнис. – И ты права, может быть, это не Пурус Арундо. Потому что если ему по силам управляться со Светлой Пустошью, то он уже не тот король Ардууса, которого я знал.

– А если ему и нет до нас никакого дела? – предположила Брита. – Тому, кто правит? Если он забирает себе всю силу, не думая о нас? И если огненные волокна и перстень тоже были замешаны на ней, почему он должен был их оставить? Где бы мы ни оказались. Какая ему разница?

– Подожди, – сдвинул брови Игнис. – Волокна – это наследие Лучезарного. Не хочешь ли ты сказать...

– Что вернулся он сам? – продолжила Брита. – Не знаю. Ничего не знаю, кроме того, что две недели назад Пурус Арундо должен был стать императором Великого Ардууса.

– Значит, празднества закончились, – Бибера с сожалением подула на палец, – и император занялся делами. Первым делом прибрал к рукам Светлую Пустошь...

– Кто бы ни стал императором, но делами он определенно занялся, – снова задумался Игнис. – В путь. Не будем медлить.

Им оставалось пройти до Малиту не более десятка лиг, когда пошел мокрый снег. Серость, окружавшая путников, на глазах стала светлеть, затем белеть. Равнина словно выправилась, выпячивая распадки и подбирая холмы, даже редкие деревья торопились одеться в белое, и, хотя вечер накатывал, становилось светлее.

– Может, еще и обойдется? – поравнялась с Игнисом Брита.

Принц вдохнул сырой и свежий воздух и посмотрел на небо, которое именно теперь отчего-то казалось ему источником опасности. Низкие облака над головами путников продолжали исторгать снег, но высоко, там, где хлопья сливались в туманное месиво, появилась какая-то рябь. Игнис придержал лошадь, зажмурился, вглядываясь в нее, понял, что сквозь снегопад несется с севера огромная птичья стая, собрался с удивлением покачать головой, как вдруг подала голос Бибера:

– Сэнмурвы! Лопни мои глаза, сэнмурвы!

– Вот и привет от мурса, – с досадой вымолвила Брита.

– Быстро, – прошипел Игнис. – Ельник в полулиге! Там где заснеженные скалы! Быстро!

– Какой ельник? – закричала за его спиной Бибера. – Где?

Они успели добраться до скал за полминуты до того, как шум крыльев, лай и невыносимый вой сэнмурвов стали раздаваться почти над головой. Огромные заснеженные ели, неожиданно вымахавшие на бесплодных камнях предгорьев Балтуту, взметнулись перед мордами коней и пропустили отряд под зеленые колючие лапы. И уже там, в сумраке, радуясь, что лай и вой небесных тварей стал стихать, Игнис хотел было обернуться, чтобы укорить изрыгающую ругательства Биберу, как вдруг понял, что елей и в самом деле нет, а есть только несколько скал, костер, лошади у низкого кустарника, пара шатров с вытканым на серой ткани пологов черным кабаном и около полсотни воинов у костров.

– Какой ельник? – раздраженно прошипела почти в ухо Игнису Бибера, осеклась и тут же с облегчением выдохнула: – Герцог Эксилис!

– Энки благословенный, – спрыгнула с лошади Брита. – Эксилис Хоспес! Герцогиня Монс! Принцесса Аментия! Фестинус! Серва! И вы здесь?

Игнис слез с лошади, подошел к герцогу, поклонился ему и герцогине, затем выказал почтение младшему поколению королевского дома Утис, покачал головой. За те полтора месяца, что прошли после совета в часовой башне Кирума, Эксилис переменялся. Похудел и осунулся. Но глаза его на юном, прорезанном складками усталости лице горели.

– Мы ждем тебя, принц, уже пять дней, – улыбнулся Эксилис. – Признаюсь, я не верил, что ты движешься с севера на юг, но привык доверять тем, кто мудрее меня.

С этими словами молодой герцог обернулся и кивнул двум незнакомцам, стоявшим возле Аментии Адорири.

– Тем более что они вроде тебя, – добавил Эксилис.

– Наследники, лишённые королевства? – спросил Игнис, вглядываясь в гордое лицо худой женщины и добродушное лицо тирсена средних лет. Впрочем, и он, и она были одеты в кирумские плащи.

– Нет, – улыбнулся тирсен. – Угодники. Ты ведь тоже угодник? Во всяком случае, Син так сказал о тебе. И не только угодник. Мы знаем.

– Син? – оживился Игнис.

– Син, – кивнула женщина. – И слова о мудрости обращены, скорее, к нему. Да и без нас тут хватает мудрых. Если бы не Аментия, вряд ли мы отыскали бы тебя, Игнис Тотум, не сходя с этого места. А ведь ты похож на свою сестру!

– На сестру? – оторопел Игнис. – Ты видела Каму? Где?

– Меня зовут Туррис, – улыбнулась женщина. – Я угодница из Араманы. Кама шла со мной, и она в порядке. Во всяком случае, она была в порядке неделю назад. А это угодник из Тирены, – Туррис показала на тирсена. – Из Тирены, которой больше нет. Его зовут Аменс.

– Подожди, – поморщился Игнис, оглянувшись на оторопевших Биберу и Бриту. – Где Кама? Я не видел ее почти семь лет!

– Она ушла в Лапис, – вздохнула Туррис. – Не волнуйся, у нее хороший провожатый, да и не столь дальняя дорога. Тем более что пока это едва ли не самое безопасное место. Но наш путь, который, смею надеяться, станет и твоим путем, тоже лежит в другую сторону. И Кама знает, что ты жив и что мы должны встретить тебя.

– Подождите, – Игнис в растерянности обернулся.

Елей вокруг него уже не было, теперь они казались тенями, морозными узорами на стеклах в лаписском замке. И сэнмурвов над головами тоже почти не было. Последние из них, едва различимые в сумраке, все еще кружились под облаками, но один за другим убирались на север. И вечер уже понемногу обращался ночью. Кирумские воины подошли к принцу и его спутницам и забрали у них лошадей. Герцог Эксилис протянул руку, предлагая присесть к костру. Из котла, подвешенного над огнем, разносился сытный запах.

– Простите меня, – снова поклонился герцогу принц. – За последние дни, если не за годы, я немного отвык от этикета. Со мною Брита Верти, племянница короля Фиденты, и Бибера Ренисус, племянница короля Бэдгалдингира. Впрочем, мне кажется, почти все здесь уже знакомы. Нам удалось вырваться из Ардууса в день возвеличивания короля Пуруса Арундо. Мы идем в Утис, чтобы встретиться с Сином и моей двоюродной сестрой Процеллой.

– Уже не идете, – покачал головой Эксилис и добавил: – Со мной пятьдесят человек. Это воины Кирума, моя жена, угодники Туррис и Аменс. Кроме них – Аментия Адорири, которая своим великим умением с помощью угодников и сестренки Сервы, вон она, прячется за ее спиной, не пустила тебя в Кирум, принц, да и укрыла от сэнмурвов тоже она.

– Хотя на Биберу мое колдовство не подействовало, – подала голос черноглазая и бледная Аментия Адорири.

– Зато подействовало на моего коня! – скривила губы Бибера.

– Ты ничего не сказал о Фестинусе, – заметила Брита, кивнув молодому воину.

– Еще бы я забыл о твоём извечном сопернике в фехтовании, – улыбнулся Эксилис. – Фестинус Адорири, племянник короля Фиденты, очень помог нам. Пару раз ему пришлось показать свое мастерство. Но еще больше нам помогли Фалко Верти и Фелис Адорири. Они прошли с двадцатью тысячами воинов на юг вдоль гор несколько дней назад. Мы с трудом вырвались из Кирума, но и у гор могли погибнуть. По их словам, нечисти здесь было слишком много. Они очистили дорогу вдоль гор.

– Это все, кто остался жив? – спросил Игнис, окинув взглядом хмурые лица воинов.

– Нет, благодарение Энки и тебе, принц, – ответил Эксилис. – Семьи и большая часть дружины под началом потомка древнего кирумского рода переправлены в Фиденту и тот же Лапис. Мы оставались до последнего, хотя нам пришлось нелегко. Ты защитил наш город, но две недели назад Светлая Пустошь навалилась на нас со всей силой. Кирум сожжен и, может быть, снесен с берега Му. Возможно, однажды он вновь воспрянет на прежнем месте, но пока... – Эксилис развел руками. – Пока садись к костру. Вы перекусите, и нам нужно собираться. Идти пока можно только ночью. А путь далек.

– Еще минуту, – поморщился Игнис. – Почему я должен идти на север? Что стряслось?

– Беда, – негромко проговорила Туррис и, дождавшись кивка герцога, продолжила: – Большая беда. Больше, чем была. Но меньше, чем будет. Арамана оставлена. Раппу и Бабу взяты врагом. Полчища гахов идут с юга. Утис будет оставлен. Войско Муруса, скорее всего, отступит в Фиденту и будет укрепляться за рекой. У него хорошее войско, но оно мало по сравнению с воинством гахов. Даже с учетом тех воинов, что придут из Араманы, Аштарака, Хонора и Утиса.

– Гахи? – не понял Игнис.

– Воины из подземелий Донасдогама, – подал голос Аменс. – Похожие на людей, но способные лазить по стенам и скалам, как горные ящерицы. Ящерицы с оружием и стальными когтями.

– Кама и Процелла – в Лаписе, – продолжила Туррис. – Там тоже войско. Хорошее войско. Вместе с войском Муруса оно может справиться с гахами. Кама надеется на это.

– А как же манны? Орда? – не понял Игнис. – Она же на юге?

– Уже нет, – вздохнул Эксилис.

– Самсум пал, – прошептала Туррис. – Думаю, орда пойдет на Эбаббар, а потом на Тимор.

– А мы идем на север, потому что огромное войско из Эрсет штурмует Алку, – добавил Эксилис. – Герцог Алки, мой дядя, пал при отражении штурма. Король Бэдгалдингира разорван сэнмурвами.

– Король Ардууса – Пурус Арундо – убит, – продолжила Туррис. – Императором назван Зелус.

– Не твой двоюродный брат, Бибера, – добавил Эксилис. – А какое-то чудовище. Губитель. Об Ардуусе мы не знаем больше ничего. Кроме того, что там уже убиты многие. В том числе твой отец и мать, Брита.

Игнис почувствовал, как спутница схватила его за запястье и сжала до боли.

– Нам нужно идти на север, – повторил Эксилис.

– Я иду с вами, – хрипло выдохнула Брита.

– И я, – прошептала Бибера.

– Син сказал, что в каждом войске должен быть тот, в котором... – Туррис многозначительно приложила руку к груди. – Здесь, на юге – Кама. В Эбаббаре – Литус. Он отправился туда. Туда же уже ушли две недели назад и четыре великих магистра. Главы орденов Воды, Воздуха, Огня и Земли. А нам идти на север. В Тиморе и Эбаббаре тоже должен быть камень. Поэтому ты – с нами.

– Что ж, – задумался Игнис. – Во всяком случае, я там оставил жену. Но откуда вы все это знаете?

– Син сказал нам, – почему-то странно прошептал Аменс. – Что-то сумела узнать Туррис, но главное сказал Син.

– А где он сам? – не понял Игнис.

– Исчез, – ответила Туррис и добавила, глядя в глаза принца: – Растворился. Так, словно он был мурсом.

Глава вторая. Несколькими днями раньше

– Началось, – услышала Кама шепот Сина, когда молния прогремела над Утисом и небо начало темнеть, как темнеет под дождем войлок, вывешенный на ограду. Хотя, какой мог быть дождь в конце первого месяца зимы? В эту пору мороз обычно схватывал реки, гнал сухой и колючий снег. Отчего же теперь разве что лужи не блестят на проселке?

– Ну? – Син окинул взглядом вышедших из дома вместе с ним друзей и постарался улыбнуться. – Когда-то все это должно было закончиться. Значит, все может наладиться.

– Или не может, – хмуро заметила Туррис.

– Наладится, – ответил Син. – И у меня есть хорошая новость для тех, кто беспокоится, что это начало конца. Собственной смерти мы не увидим в любом случае.

– Разве только последний миг перед ней, – поскреб пятерней затылок Касасам.

– Мне стало легче, – заметил Литус.

– Давай, друг, – похлопал по плечу Касасама Син. – Джокус проводит вас с Процеллой до Лаписа. Или хотя бы будет сопровождать вас в начале пути. Дальше будет безопасно. Вы знаете, что делать. Процелла, береги меч. Если не он, я не знаю, что вам поможет. И не плачь. Твой брат жив. И если он не потерял камень и после этой грозы, значит, надежда еще остается.

Процелла кивнула и поднялась в седло. Даку последовал ее примеру. Ворота открылись, и вскоре стук копыт возвестил, что путники отправились к переправе.

– А мы? – спросила Кама, глядя в лицо Сина. – Будем ждать Игниса?

– У него теперь свой путь, – ответил угодник. – Но подождать нам придется. Надеюсь, недолго. Нас, пока без Касасама и Процеллы, семеро. К тому же нам согласились помочь Аментия и Фестинус.

– И я, – напряглась Серва.

– И она, – кивнула Аментия. – Даже не спорь, угодник. Все равно не отстанет.

– Хорошо, нас десять, – согласился Син. – Из нас трое каменщиков. Неплохое имечко, кстати.

– Один так вообще камень! – улыбнулась Лава.

– Пусть так, – кивнул Син. – Но пока не появился еще один угодник. Его зовут Моллис. И он очень хороший парень. Кроме всего прочего, нам нужно несколько дней. Мне нужно несколько дней, – подчеркнул он.

– Для чего? – спросил Литус.

– Чтобы определиться, – улыбнулся Син. Улыбнулся уже по-настоящему, мягко и добро. Хотя тревога в его глазах оставалась.

– Подожди, – нахмурился Литус. – Ты говорил, что мы все должны быть в Бараггале?

– Мы там и будем, – ответил Син. – Никто не минует. Но кое-что изменилось.

– Там? – махнул рукой на север, откуда напознала чернота, Литус.

– Здесь, – прижал руку к собственной груди угодник.

Ужин прошел в молчании, хотя, казалось, сказать друг другу можно было многое. Впрочем, главное было сказано еще вчерашним вечером, а новое, то, что случилось где-то в Ардусе, отбивало охоту к разговорам. Ни Аментия, ни Фестинус, ни Серва не покинули друзей, не отправились ночевать в утисский замок, поэтому Орс и Литус покопались в сенах, сняли с холодных полатей пласты войлока, вытащили из сундуков одеяла и постелили общую постель на полу. В печи помаргивал огонь, Кама лежала между возвышающимся горой Орсом и прильнувшей к Литусу Лавой, перебирала в памяти происшедшее, удивлялась тому, чему не успела удивиться в спешке, и пыталась предугадать будущее. Радовалась тому, что вновь встретилась с Касасамом, и тому, что тот не остался с семьей в Эрсет, а сумел перебраться в Лапис. Радовалась тому, что многие воины Даккиты с семьями добрались до Лаписа и даже

многие беглецы из Эрсет тоже нашли там убежище. Ее родное королевство вдруг оказалось частью силы, что могла предохранить Анкиду от беды. Если удастся. Что там до Лаписа от Утиса? Две сотни лиг? Неделя неспешного пути. Даже меньше. Причем не через дикую землю, наполненную врагом, а через добрую Фиденту, в которой, как сказал Джокус, тоже беда. Короля хватил удар, и, возможно, он уже не оправится. А его старший сын, Фалко Верти, где-то на севере, в Ардуусе. И принц Утиса – Фелис Адорири – тоже там. Что с ними теперь? Что за беда заставила почернеть небо? Неужели самое страшное? Но ведь тот же Син сказал, что Лучезарный не может вернуться?

Кама приподнялась и посмотрела на угодника, который продолжал сидеть за столом, развернувшись лицом к огню. Словно почувствовав взгляд принцессы, Син посмотрел в ее сторону, но его глаза как будто были обращены в пустоту. Только отблески огня посверкивали в них. Кама почувствовала еще чей-то взгляд, обернулась и увидела блеск глаз Аментии. Принцесса Утиса едва заметно покачала головой. Да, Сина беспокоить не следовало. Или как там его зовут на самом деле? Бали? Не человек, не мурс, не гах, не акс, не демон и не бог? Что значит камень? Кто он?

Кама снова легла, и уже засыпая, думала о том, что Процелла и в самом деле выросла и обратилась в красавицу. Что Лава изменилась так, что если бы она, Кама, встретила двоюродную сестру где-нибудь в чужом городе, то и не признала бы ее. Но не из-за коротких, окрашенных в темный цвет волос, а из-за силы, что сквозила из каждого ее жеста. И еще из-за чего-то, что светилось в ее глазах, когда она смотрела на Литуса, который как будто не переменялся вовсе, только заледенел от пережитого горя. И подумав об этом, Кама вдруг почувствовала, что слезы наворачиваются на глаза. Ей стало жалко саму себя, и чтобы прогнать это гадкое чувство, она принялась думать о Фламме. Вот уж кто заслуживал слез, так это Фламма. О ней можно было и поплакать, и даже не стыдиться, проснувшись с высохшими дорожками на щеках.

Утром ни Аментии, ни Фестинуса, ни Сервы в доме и во дворе не оказалось. Син тоже отсутствовал. Кама вышла во двор, вдохнула сырой воздух, в котором странно сочетались покой и тревога. Туррис сидела на деревянной колоде, закрыв глаза и сложив ладони перед грудью, ее руки прикрывал собственными ладонями Аменс. Лава и Литус опять упражнялись с оружием и делали это весьма ловко, но словно тоже прислушивались к чему-то.

– Ушли, – объяснил Каме отсутствие утисцев Орс. – Ночью умер король Фиденты – Паллор Верти. Под утро Джокус прискакал за ними. С Процеллой и Касасамом он оставил своего сотника, а сам вернулся. Там сейчас все. И король Утиса, и... Впрочем, я не знаю никого. К тому же наследник и герцог в одном лице все еще где-то в Ардуусе.

– А Син? – спросила Кама. – Что, и угодника позвали почтить память умершего короля?

– Нет, – прошептал Орс и поманил Каму к углу дома. – Смотри.

Небо над Анкидой оставалось темным, таким темным, что даже солнце, встающее над пиками Балтуту, словно подсвечивало снизу черное одеяло, раскинутое от горизонта до горизонта. И земля за рекой Му тоже была черной, как будто не середина зимы близилась, а глубокая осень обнажала почву. Но даже на фоне этой черноты ужасали черные смерчи, вздымающиеся там, где еще вчера высились башни Кирума. Из трех городов, трех атерских крепостей, трех столиц трех королевств, граничащих друг с другом на слиянии рек Му и Малиту, оставалось две – Фиденту и Утис. Кирум поглотила тьма.

– Син отправился к переправе, чтобы разведать, что там, – объяснил Орс. – Наказал никуда никому не отлучаться. Опасность близка. И еще, – Орс замаялся, – мне показалось, что он изменился.

– Мне трудно судить, – пожала плечами Кама. – Я много о нем слышала, но увидела его впервые.

– Он не в себе, – прошептал Орс. – Не в том смысле, что сошел с ума или обратился в какую-то нечисть. Но его можно понять. Ну, представь себе, вот вернулась ко мне память. Она и не пропадала никуда, но если вернулась? И вот я, большой человек Орс, вдруг вспомнил, что я распоследняя мерзость. Как ты думаешь, что я сделаю?

– Дай угадаю, – пробормотала Кама, не в силах оторвать взгляда от мглы, укутывающей Кирум. – Тебя непременно стошнит. Ну а с учетом того, что голод ты переносишь плохо, ты тут же отправишься за стол. Тебе кажется, что Син вспомнил о себе что-то гадкое?

– Не знаю, – пожал плечами великан. – Он и слова не обронил с утра. Сел на лошадь и сказал, что доберется до переправы, а потом вернется. Но я никогда его таким не видел.

– Каким? – спросила Кама.

– Обреченным, – ответил Орс.

– Обреченным? – задумалась Кама. – Обреченным на что? Что он узнал о себе? Что он вспомнил? Разве он был амулетом, который должен спасти нас всех? Или даже всю Анкиду? Что изменилось?

– Как тебе сказать? – пробормотал, почесывая подбородок, Орс. – Он ведь словно отец. Для меня. И для многих. Если отец стар, то ни один из его детей не рассчитывает, что тот встанет и защитит своего ребенка. Каждый отвечает за себя сам. Но когда отец есть, это... – Орс поморщился, усмехнулся огромными губами. – Смешно. Рассуждаю об отце, хотя не имел его никогда и уж точно не помню ничего похожего. Но многое знаю. Так вот, когда отец есть, совет его не нужен, и даже не взгляд, а то, что он есть. Понимаешь?

– Понимаю, – кивнула Кама. – У меня был отец. Я помню, как это. Что делает Туррис?

– Обычные свои штучки, – махнул рукой Орс. – Птичек выпустила. Колдует. Смотрит их глазами, приглядывает, что происходит. Прислушивается.

– А Аменс? – не поняла Кама.

– Так птичек-то три! – удивился Орс. – Вспорхнули, да в три сторонки полетели. И силенок надо немало, да и не уследишь за тремя-то. Ты на Аменса-то не косись. Он только кажется неумехой да недотепой. Есть у него таланты, есть. Не дай бог тебе их увидеть.

– Это почему же? – не поняла Кама.

– Потому что некоторые способности просыпаются в самое тяжелое время, – ответил Орс.

– Тогда пусть остается неумехой и недотепой, – согласилась Кама.

Син вернулся после полудня. Спрыгнул с лошади, покосился на Туррис и Аменса, которые так и не пошевелились с утра, молча прошел в дом, вытащил пару одеял, укутал и одного, и другую.

– Син всегда остается Сином, – виновато почесал подбородок Орс.

– Собираемся, – сказал угодник. – Будем переправляться на фидентский берег. Как только Туррис очнется, так и отправимся. Джокус уже распорядился шатер нам поставить у второй переправы. Как раз там, где стоял трактир, в котором Игнис попал в беду.

– Отчего такая спешка? – не поняла Кама. – Мы оттуда двинемся к Бараггалу?

– Я пока не знаю, куда мы двинемся, – признался Син. – Узнаю... скоро. Но сейчас есть дела поважнее. К тому же, думаю, этот берег будет оставлен.

– Оставлен? – удивился Литус.

– Думаю так, – мрачно заметил Син. – Но сейчас главное – не это.

– А что главное? – спросила Лава, взъерошив короткие волосы.

– Мы все и есть главное, – вдруг улыбнулся Син. – Ну и компания у нас образовалась. Война уже идет, а мы – как запасной отряд в глубоком обозе. Четыре чистых угодника, а все остальные из тех, которые сами привыкли повелевать. Сын короля Эбабара, племянница короля Ардууса, принцесса Лаписа. Да еще одна принцесса с братом и сестрой будет ждать

нас на новом месте. Аментия, Серва и Фестинус. Упорные. Как только свершится прощальный обряд...

– Так и ты непрост, как выясняется, – заметила Кама. – И Орс. И Туррис с Аменсом.

– Порой кажется, что дорого бы я заплатил за то, чтобы оказаться проще простого, – пробормотал Син. – То, что твой братец учудил с древней магией в Кируме, Кама, защитило город, но и навело на него особенную беду. Мерзость, посланная Светлой Пустошью, штурмует его. Нечисть рушит здания и вырывает ростки древней магии. И это меня радует, значит, опасна эта сила для Светлой Пустоши, очень опасна. Но сейчас в опасности Эксилис. Основная дружина Кирума – пять тысяч воинов – отошла, но в замке остался герцог с женой и его охрана. Их надо выручить.

– Наши семь клинков могут сладить со Светлой Пустошью? – удивился Литус.

– Дело не в клинках, – поморщился Син. – Мне кажется, что теперь Светлая Пустошь затаится. На время, но затаится. Я чувствую ее злобу только вокруг Барагала и здесь. Кирум единственное место, где Светлая Пустошь на время спасовала. Но теперь ей противостоять не может ничто, и пока это место не будет выжжено вместе с городом, хозяин Пустоши не успокоится.

– А где же маги? – подала голос Лава. – Ордена Воды, Земли, Воздуха, огня? Они же помогали держаться Кируму?

– Они ушли, – сказал Син. – Ушли на последней барке к Эбаббару. Там будет еще труднее. Оттуда начинается путь к Барагалу.

– Кто он? – спросил Литус. – Ты сказал, что хозяин Пустоши не успокоится. Кто он?

– Не спеши, – прошептал Син. – Мне нужно разобраться. И в себе, и в... Подожди. У нас еще есть несколько дней.

Туррис открыла глаза уже в сумерках. Аменс тут же повалился на заледенелую землю двора и застонал про намятые колени и ноги, которые больше его не слушаются, но Орс подхватил угодника-тирсена на руки и понес в дом, где старателей уже ждал горячий ужин. Однако разговора не получилось, Туррис пробормотала что-то только Сину, а Аменс и вовсе сидел с вытаращенными глазами, и Орсу приходилось едва ли не кормить его с ложки.

Уже в темноте отряд покинул дом, но у окончания деревенской улицы придержал лошадей. Не менее сотни всадников двигались по тракту, огибающему утисский замок и сам город, к реке.

– А ну-ка? – прошептал Син, выскользнув из седла в темноту.

– Все задвигалось, – пробормотал он, вернувшись через несколько минут. – Дружина из Хонора. И непохоже, что она направляется оказывать последние почести королю Фиденты. Идут походным строем, с оружием, но без обоза. Странно. Во главе отряда – Урсус Рудус, второй сын короля Хонора, и брат короля – Сонитус. Нет, – повернулся к вздрогнувшей Каме Син. – Его жены, твоей обидчицы Телы, с ним нет. – Но зато с самим Сонитусом не все в порядке.

– Как это понять? – нахмурилась Кама.

– Так же, как со мной не все в порядке, хотя я и не жалуясь, – подал голос Орс. – Он теперь не совсем Сонитус. И вряд ли его сейчас интересует только выпивка.

– Что ж, – процедила сквозь зубы Кама. – Тела и из этого сможет извлечь пользу.

– Остынь, – шепнула на ухо Каме Туррис. – Твоя месть – последнее, что должно жечь твое сердце.

– И что же нам делать? – спросила Лава, стараясь держаться ближе к Литусу.

– Ждать, – отрезал Син.

Ожидание длилось с час. Темные тучи укутывали небо, и тьма казалась непроглядной. Только горели факелы на пароме, у которого мелькали конные тени, костры на фидентском берегу, да траурные огни на стенах обоих замков – и утисского, что высился за спиной, и фидентского, за городом, тревожно застывшим на стрелке рек Му и Малиту. За широким течением реки в стороне Кирума слышался то ли вой ветра, то ли рык неведомых тварей.

– Не пожалеем мы, что дали уйти Урсусу? – спросила Кама как будто сама себя.

– Не знаю, – отозвался Син. – Да, он явно движется в Ардуус. Может быть, и пожалеем. Особенно о его дяде... Просто так подобные подарки не раздаются. Но как было его остановить? Вступить в схватку с хонорцами? Оставь, Кама. Да и зачем дробить дорожный валун, если дорогу нам преграждают горы?

– Горы? – переспросила Кама.

– Горы, – кивнул Син. – Но ведь и мы не камни под копытами лошадей.

Слова угодника услышал каждый, Кама была в этом уверена. Наверное, его увещевание должно было внести уверенность в сердца его спутников, но здесь, на берегу темной, холодной реки, принцессе Лаписе и после этих слов Сина все еще не казалось, что она способна хоть что-то противопоставить беде, надвигающейся на ее землю.

За Фидентским замком и в самом деле стоял шатер. И опять разговора не получилось, потому как Син настоял на отдыхе. Отправил всех спать, а сам вновь остался сидеть, правда, на этот раз у жаровни. И снова Кама уснула последней, пытаясь приглядывать за согнувшейся у огня тенью. Но уже утром Син вновь был бодрым и быстрым, хотя где-то в глубине его глаз не угасала тревога или даже обреченность.

За рекой над Кирумом с самого утра продолжали кружиться черные смерчи, когда со стороны замка приблизились всадники. Аментию, Фестинуса и Серву сопровождал десяток воинов. Их старшина вытянулся перед угодником, как перед воеводой.

– Не нужно, – поклонился воину Син. – Охрана не нужна. Вызволить Эксилиса пойду я, Камаена, Орс и Литус. Хватит. Не рубиться же со Светлой Пустошью, можно ведь сдуру и всю фидентскую дружину положить. Аментия будет прикрывать нас отсюда. Серва, Фестинус и Лава будут ей помогать. Серва, как я понял, хороша в магии, но еще мала. А Фестинус и Лава сильны, но неумелы, так что обратят свою силу в пользу Аментии. Она все сделает сама.

– Это как же? – нахмурилась Лава и с обидой посмотрела на Литуса. – Вы собираетесь вчетвером вызволить Эксилиса? А я? Разве я не умею сражаться?

– Умеешь, – с явным облегчением ответил Литус.

– Мы не собираемся сражаться, – успокоил Лаву Син. – Еще не хватало споткнуться на пороге отхожего места и раскроить голову о стульчак. Мы пойдем туда как порождения Светлой Пустоши. Аментия с помощью вашей силы накинёт на нас личины, а Туррис постарается передать герцогу то, что мы хотим от него, да поможет Аментии разглядеть, что творится в городе. К тому же от нее зависит, чтобы наши лошади не обезумели. И не только наши...

– Когда? – прошептала Кама.

– Прямо сейчас, – сказал Син. – У нас есть еще несколько дней, но у принца Эксилиса времени нет вовсе.

Испуганный паромщик переправил четверку смельчаков через Малиту уже через час. Лаписская тропа уходила от переправы вдоль гор на восток к крепости Ос, на запад к Кируму и на север к Ардуусу. Четверка двинулась на запад. Окраина Кирума тонула во мгле, над городом кружились вихри и стоял вой.

– Сияние, – крикнул Син, когда в тумане скрылись ноги лошадей. – Смотрите друг на друга. Отличайте по сиянию. Серебристые искры будут сыпаться или с грив, или с рогов.

«С каких рогов?» – подумала Кама, но уже через минуту поняла, что видит рядом с собой не Сина, Литуса и Орса, а уродливых созданий, напоминающих выбравшихся из кошмарных сновидений быков, к спинам которых приросли страшные рогатые уродцы.

– Кама, – донесся до нее голос Орса. – А ведь ты даже в таком облике остаешься красивой. Но не думай, что я очаровываюсь ужасом. Я надеюсь, что забуду это зрелище, как страшный сон.

Погруженный во мглу город умирал. Черные улицы застилала клубы дыма и пыли. Все, что могло гореть, горело. Все, что не могло гореть, разрушалось. Скользкие, напоминающие выбравшихся из земли жуков, чудовища, копошились в развалинах, корявые тени мелькали среди полуобрушившихся зданий, вой и цокот смешивались с грохотом валяющихся руин и щелканьем раскаленных камней.

– К проездной башне, – услышала Кама голос Сина и поняла, что они уже выбрались на городскую площадь и черное, окутанное дымом здание – это и есть кирумский замок. Вот показалась и часовая башня с трещиной, и стала различима не слишком высокая стена, и ворота в сотне шагов от часовой башни, которые никому были не нужны, потому что издающие зловоние броненосцы разбежались и крушили сами стены, словно их вовсе не занимали защитники замка, что пытались поразить их стрелами сверху. Впрочем, нечисти хватало и для стражи. Такие же чудовищные жуки, что копошились в развалинах, лезли по стенам вверх.

– Держать ворота! – крикнул Син и взмахнул рукой. В тот же миг над его головой вспыхнул огненный шар и медленно поплыл к мертвому башенному циферблату. Невыносимой сладостью, приторным ароматом ударило Каме в ноздри, и не только ей, потому что нечисть, покрывающая древний камень едва ли не ковром, застрекотала и поползла по стенам к башне, да и разрушители стен тоже направили свои усилия на древнейшее сооружение Кирума.

– Две минуты! – крикнул Син, который сейчас, в это мгновение, в лучах сотворенной им магии, казался ужаснее любых тварей, созданных Светлой Пустошью. – Минута на то, чтобы кирумцы слетели со стен, и минута на то, чтобы открыли ворота! Надеюсь, Эксилис понял то, что передала ему Туррис! Затем я сброшу наши личины, чтобы у спасенных не разорвалось сердце, и у нас останется еще три минуты, чтобы умчаться прочь. Так что готовьте мечи.

– Что это за магия? – спросила Кама. – Этот шар, что полетел к башне! Что это?

– Это не магия... – ответил Син. – Это что-то другое. Другой я.

Секунды тянулись медленно, а слуг в Кирум Светлая Пустошь направила много. В тот миг, когда ворота наконец открылись, и Кама разглядела измученные лица кирумцев, часовая башня с грохотом обрушилась, но отряд уже несся по дымным улицам на восток, и то и дело взмахивающий впереди мечом Син, к облегчению Камы, казался не другим, а тем же самым, прежним Сином, с которым она познакомилась только что, но о котором слышала от многих людей уже несколько лет.

Следующие четыре дня прошли на берегу реки. Джокус поставил еще шатры, в которых герцог Эксилис, его молодая жена и сотня кирумских стражников приходили в себя. На второй день переправу преодолели двадцать тысяч воинов Утиса и Фиденты во главе с Фалко Верти и Фелисом Адорири, и радость от встречи с ними смешалась с горечью известия о смерти отца Фалко и тестя Фелиса – Паллора Верти. Потом прибыли сотни пятитысячной дружины Кирума, которая пока размещалась в Лаписе, и Эксилис снова оказался погружен в заботы. Его город продолжала окутывать мгла, и грохот и вой за рекой не утихали.

– Там будет ровное место, – сказала однажды Туррис, подойдя к Каме, которая чаще всего стояла на пепелище трактира недалеко от шатров. – Ровное, выжженное место. Не знаю, возродится ли однажды Кирум или нет. Но, надеюсь, что Бараггал устоит.

– Что ты видела? – спросила угодницу Кама. – Что ты видела, когда ворожила с Аменсом и со своими птицами. Ты ведь отравила трех? Что значит беда? Почему ты не рассказываешь?

– Потому что беда, – прошептала Туррис. – Да и Син видит уже больше меня. Но я скажу тебе. Раппу пала. Бабу падет со дня на день. Ее воины еще сражаются с гахами, но их отряды идут через горы и в ближайшие дни обрушатся на Хонор. А потом пойдут сюда. Син уже говорил с Джокусом, а потом с Фелисом и Фалко. Утиscopy будут переходить в Фиденту. Может быть, вода остановит гахов? Теперь уже тысячи, десятки тысяч воинов и крестьян начали рыть ров, отсекающий Фиденту от гор Балтуту. Ров, соединяющий Малиту и Му от крепости Ос до первых порогов на Му. Ров длиной в сто лиг. Кузнецы тянут стальную проволоку, навивают на нее шипы. Лесорубы острят колья. Если гахи не остановятся здесь, то и Лапис не спасется. Войско Муруса предупреждено о гахах, и оно, скорее всего, тоже отступит до Фиденты. Крепости и горы гахам не помеха, ты знаешь.

– Послушай, – нахмурилась Кама. – Здесь ожидается битва, а мы пойдем в Барагалл? Да, гахов много, но войско Муруса, дружины Утиса, Фиденты, Хонора, войско, которое собрал Дивинус в Лаписе, – сравнимы с силами гахов!

– А Светлая Пустошь? – спросила Туррис. – Ты о ней забыла? А об огромной орде, которая как раз теперь штурмует последние твердыни Самсума – забыла? Она ведь потом пойдет или на запад, или в Эбаббар. И это еще не все. Уже неделю воинство Эрсет ведет осаду Алки. И долго древняя крепость не продержится. И войско Эрсет больше, чем орда и гахи, вместе взятые.

– Ардуус? – спросила Кама. – А что Ардуус?

– Я не разглядела, – пожалала плечами Туррис. – Едва не потеряла там птицу. Город окутан мглой. Не такой, какой окутан Кирум. Тихой мглой. Смертной мглой. И это кажется мне ужаснее всего. Сегодня после полудня Син собирает совет. Узкий круг.

– Узкий круг? – не поняла Кама.

– Только угодники, – ответила Туррис. – Угодники и те, кто готов ими стать. Наверное, еще будут Фалко и Фелис. Но не весь разговор для них. Увидим. Думаю, что сегодня же мы разойдемся.

– Куда? – не поняла Кама.

– В разные стороны, – ответила Туррис. – Я это чую, поверь мне. И это не плохо, не хорошо. Это случится и все. Но вот уж там, куда мы пойдем, там снова все будет зависеть от нас самих.

– Ты так говоришь, как будто кто-то может приказать тебе, – скривила губы Кама.

– А ты возвращаешься к тому, о чем уже был разговор, – рассмеялась Туррис. – Что же ты не покинула свою наставницу за те пять или шесть лет, что торчала в ее башне? А? Так и здесь. Ты можешь уйти от кого угодно, но от себя не уйдешь никогда. Готовь лошадь, после совета – в путь.

– Демон меня раздери! – покачала головой Кама. – Ты так уверена в своих словах, что я и в самом деле проверю лошадь и поклажу. Далекий ли будет мой путь?

– Не преувеличивай мое чутье, – вдруг обняла спутницу Туррис. – Пожелаем друг другу удачи. Мы ведь можем расстаться и навсегда.

Кама не поверила угоднице. Посмеялась над ее чутьем, хотя и проверила упряжь, мешки, задала лошади корм, порадовалась, что и в этот день морозца не случилось. А уже через три часа, еще до наступления сумерек, она вместе с Орсом спешно переправлялась через быстрое течение холодной Малиту. На том берегу их ждали пятьдесят кирумских стражников. Ждали, чтобы идти вместе с принцессой в ее родной Лапис, в котором она не была почти семь лет. Когда паром ткнулся в правый берег, за спиной раздался треск. Кама обернулась. Из продолжающихся извиваться над Кирумом смерчей в шатер, в котором только что прошел совет, и рядом с ним – били молнии. Они били не с грохотом, а именно с сухим треском. И разрезали воздух не огненными стрелами, а черными. И шатер не вспыхивал от этих ударов, а распадался

на лохмотья, обращался тленом, и земля проваливалась, становясь странным болотом на высоком месте.

– А ведь непросто нам будет сладить со всем этим, – с нескрываемой тревогой заметил Орс. – Эх, будь я поменьше ростом...

– И что бы тогда было? – не поняла Кама.

– Да уж нашел бы укромное местечко, чтобы схорониться, пока все не развеется, – буркнул великан, пряча усмешку.

– А хочешь, я найду для тебя в Лаписе укромное место? – спросила Кама.

– И я там помещусь? – заинтересовался Орс.

– Полностью, – уверила его Кама. – И даже сможешь шевелить руками и ногами. Я частенько пряталась там маленькой. Есть там один заброшенный дымоход...

– А еду ты мне носить будешь? – прошептал Орс.

– Недолго, – задумалась Кама. – Иначе скоро ты перестанешь там помещаться.

Глава третья. Церритус

Церритус, второй сын короля Бэдгалдингира, Тигнума Ренисуса, не был мерзавцем с самого рождения. По собственным ощущениям, он им и вовсе никогда не был, он даже не знал, что такое – быть мерзавцем. Он был вторым сыном короля, и это уже значило больше, чем быть кем-то еще. Во всяком случае, с самого детства он знал, что однажды правителем древнего королевства, надежно скрытого между склонами гор Балтуту и гор Хурсану, а также неприступными стенами Алки с востока и Бэдгалдингира с запада, станет его старший брат – Тутус Ренисус, спокойный, тихий и обстоятельный калам с примесью валской крови, а значит, он сам, Церритус Ренисус, как бы ни баловала его матушка, должен быть противоположностью брату во всем. Не тихим, не спокойным и не обстоятельным. Единственное, в чем сходился с братом Церритус, так это в увлечении фехтованием, благо учителей для принцев король отыскивал в самых дальних странах, приглашал даже даку из неведомой страны Дакки, откуда-то из-за восточных гор, и оба брата постепенно достигли весьма значительных успехов в воинском искусстве. И вот что было странным: при полной противоположности братьев во всем, фехтовали они похоже и редко когда уступали другу другу, порой доводя себя в фехтовальном зале до полного изнеможения. Как говорил об этом другой их наставник, то ли приятель отца, то ли советчик – угодник Бенефициум, как ни вьются лианы, а все одно будут рядом, если сосны, что служат им опорой, растут поблизости. О каких соснах говорил старик, узнать бы? – иногда думал Церритус. Или же он имел в виду древние башни Бэдгалдингира, одна из которых служила убогому убежищем, а другая давным-давно стала частью королевского замка? И какая из этих башен служила опорой Церритусу? Неужели та, что отошла к угодникам? И думать нечего, ведь не Церритус наследник короны, а Тутус, всей доблести которого хватило лишь на то, чтобы родиться на восемь лет раньше брата. Интересно, каким бы вырос тихоня Тутус, если бы он с самого раннего детства знал, что он всегда будет вторым? Что он станет кем угодно, но только не королем Бэдгалдингира?

Обычно на этом месте размышлений Церритус прикладывался к бутылки молодого араманского вина и терял нить рассуждений до следующего протрезвления, но в тот день, когда его двоюродный братец Зелус, тоже в изрядном подпитии, прицепился к вельможной, пусть и не первого ряда, девице Процелле, что-то пошло не так. Во-первых, оказалось, что в собственном королевстве он, Церритус, не только не третий по важности человек после отца и старшего брата, но и даже не четвертый. Прикрикнуть на него посмел и старый угодник, и даже его любимица Аша, о родстве которой с самим Бенефициумом не заикался в столице разве только какой-нибудь немой. Во-вторых, некогда принц крохотного Лаписса, а теперь обычный бродяга, свитки о поимке которого разворачивались глашатаями на всех празднествах, посмел не только вести себя как настоящий вельможа, но еще и едва не свернул челюсть племяннику самого короля, какой бы дрянью ни считал собственного брата Церритус сам. И, наконец, все это вместе не повлекло ни для кого никаких последствий, если не считать того, что не отойдя толком от похмелья, Церритус вместе со все тем же Зелусом да еще под присмотром гадюки Аши мчался на перекладных едва ли не четыре сотни лиг, чтобы успеть к окончанию шутейного штурма Алки, пусть даже во время его и погибло несколько десятков стражников. Нет, давно уже следовало прибрать к рукам и названую сестренку, нагуленную теткой Меморией, и вторую сестру – Биберу, которую ни Церритус, ни Зелус никогда не называли иначе как уличной девкой. Не за какие-то ее подвиги, а потому что рождена она была хоть и от родного дяди, но обычной простолюдинкой, дочерью какого-то каламского или аккадского выроodka, чьи предки были однажды роком занесены в глухую деревню на склоне гор Хурсану, где весь ее род и сгинул бы в неизвестности, если бы судьба не переселила их в убогую лачугу у тракта,

возле которой брату короля Бэдгалдингира увальню Ванитасу пришлось подвернуть ногу. Вот и выходит, что всякая погань дожидается в укромном месте счастливого поворота собственной судьбы, а тот, кому довелось родиться в королевской семье, умудряется разминуться с ним локоть в локоть.

Мысль эта не выходила из головы Церритуса всю обратную дорогу из Алки в столицу, тем более что Аша умчалась вперед, а Зелус только и знал, что ныл, не переставая, о разбитом наглецом Игнисом лице, подлой девчонке Процелле, которая от него все равно не уйдет, даже если ему придется упасть в ноги королю Ардууса. Ныл, хотя даже не был ранен, а вот плечо Церритуса зацепил дакский клинок. Может быть, и Церритусу следует упасть в ноги королю Ардууса? Или отправить прошение о службе, как, кажется, уже сделал Зелус? Или хотя бы напомнить о себе, ведь были же разговоры, что случись что с Тигнумом, будет коронован Тутус, а мантия герцога Аббуту достанется Церритусу? Конечно, герцог – не король, да и герцогство не из богатых, разоренное королевство так и не оправилось после свейской войны, но тот же Адамас успел заложить недурной замок и город на левом берегу Азу, а Тутус, надо отдать ему должное, почти его достроил. Как бы и этот кусок не пролетел мимо рта Церритуса. Эх, жаль, что у Пуруса Арундо только одна дочь, и та досталась Тутусу. Была еще шустрая и рыжая девчонка Фламма, но сгинула где-то. Да, еще имелась и племянница, Лава Арундо, но и с ней приключилось что-то непонятное. Нет, точно надо отправляться к Пурусу, напомнить о себе, оказать почтение, получить в ответ благоволение, а то и какую-нибудь из атерских невест. Чем плоха та же Процелла? И на лицо приятна, и статью не дурна. А Зелус, что Зелус? Обойдется, пусть и дальше уличных девок за задницы хватает, а Церритусу именно такая и нужна, чтобы себя держала и воли всякой вельможной погани не давала.

В Бэдгалдингире Церритуса сразу призвал к себе отец. К счастью, принц не успел приложиться к бутылке. Явился трезвым, подтянутым, коротко, но точно описал все, что происходило в Алке, не упустил ничего. Тигнум выслушал сына внимательно, осмотрел раненую руку, задал несколько вопросов, уверился, что не дурак нарвался на случайную драку, а взрослый человек поучаствовал в неслучайном сражении. И то сказать, тридцать уже стукнуло, пора за ум браться, пора.

– Что делать собираешься? – спросил негромко.

Так всегда и было, чем более важные вещи изрекал Тигнум, тем тише он говорил. Мать как-то даже пострашала еще юного Церритуса, не дай тебе Энки заставить отца кричать, но пуще всего бойся, если он зашипит, как змея. Тогда точно укусит.

– И укусит, как змея? – попробовал обратить в шутку слова матери Церритус, но та не шутила.

– Укусит. Голову отгрызет. Ты думаешь, в кого ты такой буйный – в отца. Только он-то себя в руках держит, научишься и ты себя в руках держать, ничем ему не уступишь. Чем тише он говорит, тем внимательнее слушай. А вот если зашипит, беги, пока жив.

– А Тутус? – тогда спросил у матери Церритус. – Он в кого? В тебя, в отца, в дядей моих? В кого?

– Тутус сам по себе, – пробормотала мать. – Для спокойного времени лучше и не может быть короля, чем Тутус. А для нашего... Там видно будет, сынок. Жизнь покажет.

И что же она показала? Церритусу уже тридцать, ни семьи, ни даже какой-нибудь должности при дворе родного папаши, та же мать отсоветовала, не тяни на себя маленькое одеяло, а то большое другому выпадет. И вот отец спрашивает его:

– Что делать собираешься?

Церритус ответил не сразу. Выдержал паузу, сделал как будто осторожное движение, потрогал больную руку, проговорил так же тихо:

– А что я должен делать, отец? Ты хочешь дать мне совет?

Видно, ответ Тигнума устроил. Он даже поднял брови, хмыкнул, откинулся на резную спинку кресла.

– Хорошо. Для начала перестань тратить время на своего братца. Я слышал, он отправил прошение о службе нашему венценосному соседу? Пусть отправляется. Ты поедешь вместе с ним. Без прошения. На объявление Пуруса императором. Я думаю, что оно состоится в конце первого месяца зимы. Просто будешь в Ардуусе ждать своего часа. Время сейчас трудное, Пурус слегка безумен, но ты ведь не мальчишка? Справишься.

– Хочешь избавиться от меня, отец? – прошептал Церритус.

Замолчал Тигнум, скрипнул зубами, но на шипение не перешел, хотя взгляд сузил. Но ответил негромко:

– Хотел бы избавиться, придушил бы еще в колыбели. Хочу, чтобы королевство Аббуту стало твоим. Пурус не вечен, короли уходят, а земля остается. В союзе с братом твое королевство будет первым на севере.

– Но какая у меня причина явиться в Ардуус? – поморщился Церритус. – Меня на коронацию не приглашали. Или что за обряд там намечается? Не вижу okazji.

– Имеется оказия, – растянул губы в улыбке Тигнум. – Тебе и глупые письма писать королю Ардууса не придется. Сам его сыночек пожаловал. Болус. Считаю, что с ответным визитом. Не скрою, дочь Пуруса Фосса оказалась лучшим выбором из возможных. И не глупа, и красива, и верна своему мужу. Так что настала пора платить долги. Я отдам ему Ашу.

– Ашу? – осекся Церритус. – Да она сожрет этого Болуса вместе с доспехом. Добро бы Биберу, хотя Бибера не годится, лепит напрямую все, что в голову сыпется. Это Аша подползет да ужалит...

– А ты становишься мудр, – улыбнулся Тигнум.

– Так ты... – понял Церритус. – Ты хочешь прибрать к рукам и...

– Тссс, – погрозил пальцем сыну король. – Собирайся. Время еще есть, отпусти Зелуса, пусть едет раньше. Ты еще успеешь. С Ашей отправится Бенефециум, сейчас его нет, он отбыл по срочным делам, но вернется. Скоро вернется, и ты к ним присоединишься.

– Какие могут быть срочные дела у угодника? – не понял Церритус. – Я думал, что Бенефециум никогда не покидает своей башни. А он не только собирается в Ардуус, но и теперь куда-то умчался.

– Жизнь меняется, Церритус, – рассмеялся Тигнум. – Время бежит быстрее. Не хочешь опоздать – беги за ним. Не упусти удачу.

– Если она пойдет в руки, – осмелился ответить улыбкой Церритус.

– Пойдет в ноги, топчи, – перестал улыбаться Тигнум. – Топчи, если гордость не позволяет нагнуться. Топчи, потому что твоя удача в чужих руках, это твоя беда.

Зелус отбыл в Ардуус вместе с Болусом. Наследник Пуруса за неделю пребывания в Бэдгалдингире опух от пьянства, но глаза его блестели. Или Аша неожиданно оказала благосклонность капризному красавчику, или обещала ее в скором времени. Во всяком случае, хрупкий росток королевского дома Ренисус даже прильнул на мгновение к суженому при расставании. Зато уж Зелус был напряжен и бледен. И для того имелись причины: не только Болус не оказывал племяннику короля Тигнума ни малейшего уважения, но даже его стражники, которые показались Церритусу выходцами с востока, посматривали на внезапного попутчика их подопечного если не с презрением, то уж с явным пренебрежением. Церритус провожал взглядом эскорт Болуса и думал, что за удачей, пошедшей в ноги, наклониться можно. Главное, чтобы тебя не затоптали те, кто наклоняться за удачей не пожелал.

Бенефециум вернулся скоро, едва первый месяц зимы перевалил за середину. Церритус столкнулся с ним у основания башни. Заметил старика в толпе. Принцу всегда казалось стран-

ным, что башня угодника выростала из трактира, хотя и трактир, и постоянный двор, и конюшня были пристроены к ней явно уже в последние годы. Но теперь, когда среди обычных завсегдаев питейного заведения мелькнули из-под серого капюшона глаза угодника, Церритус понял, что мудрость угодника не пустой звук. Каждый ищет то, что ему нужно. Бенефециум явно не стремился к величию, и постоянная многолюдность у его убежища позволяла ему оставаться незамеченным тогда, когда замеченным он быть не хотел.

– Не пей больше, – прошептала служанка, которую Церритус через неделю после случайной встречи с Бенефециумом зажал в одном из коридоров замка.

– Кто ты такая, чтобы говорить со мной? – рассвирепел принц, но приложить рабыню о стену не успел.

– Мать твоя приказала, – сдавленно прохрипела она, а когда Церритус разжал хватку на тонком горле, закашлялась. – Мать твоя приказала попадаться тебе на глаза, чтобы ты не бросался на прочих слуг, и терпеть все, что ты будешь делать со мной, – рабыня опустила глаза, склонила голову. – Спасибо тебе, что ты не убил меня и не покалечил. Отец твой отправил брата своего Ванитаса в Алку, тревожно там, так вот мать просила передать тебе, чтобы ты был готов. Сегодня ночью ты уходишь в Ардуус. Не пей больше, угодник не переносит пьяных.

– Что мне Бенефециум? – снова схватил за горло рабыню Церритус. – И почему мать не сказала мне об этом сама?

– Она и Мемория у Бенефециума, – выкатила слезы на щеки рабыня. – Говорят с ним. Выход ночью, потому что через день обряд сочетания Болуса и Аши. Пойдут два десятка стражников, Бенефециум, Ваше Высочество, Аша и ученики угодника – Морбус и Кларус. Лошадей уже готовят! Ваше Высочество будет другом жениха!

– Без меня решили, – прошипел Церритус, отшвырнул в сторону девчонку и едва не сломал дверь в собственные покои, ударив по ней ногой.

Больше, чем Зелуса или того же Бенефециума, больше, чем Ашу и всякого, кто мог попасться под хмельную руку, Церритус ненавидел старшего ученика или служку Бенефециума – Мордуса. Если его младший напарник Кларус был едва приметен, то Мордус походил на чирей, вскакивал ни с того ни с сего на самом видном месте и красовался, исторгая гной. Давно бы его следовало окоротить на пару ладоней или хотя бы отдубасить в темном переулке, не из-за какой-то причины, а из-за наглого взгляда, но и тут вмешалась матушка. Остерегла и самому прикладываться, и посылать кого.

– С чего ты взяла, что я собираюсь его поучить почтительности? – обозлился Церритус. – И почему я должен себя останавливать? Кто он такой, чтобы вместо поклона ограничиваться кивком?

– А ты присмотрись к нему получше, – посоветовала мать. – К нему, потом к Аше, потом опять к нему. Они ж похожи, как бывают похожи большой и малый кувшины, снятые с одного гончарного круга.

– Что ты хочешь сказать? – не понял Церритус. – О каком круге ты говоришь? О моей тетушке Мемории? Так вроде бы Мордус на год младше Аши? Как это она умудрилась родить ребенка после Аши, чтобы никто не заметил? Вон, даже мой отец удочерил ее! Чего же он Мордуса не усыновил?

– Сынок, – поскучнела почему-то мать. – Парню не нужно столько защиты, сколько требуется девушке. Но главное не в этом. Гончарный круг не сам горшки с себя сбрасывает, их горшечник снимает.

– Так кто же горшечник? – нахмурился Церритус. – Даже если работает он с разными гончарными кругами? Не хочешь ли ты сказать, что Аша и Мордус родня мне?

– Дурак, – плюнула тогда мать, – присмотрись к лицам Аши и Мордуса, да вспомни лицо Бенефециума. И подумай, что если отец твой удочерил Ашу, то что он сделает с тобой за Мордуса.

– Так что отцу с того же Бенефециума? – застыл тогда пораженный Церритус. – Чем он так ценен для Бэдгалдингира?

– Он угодник, – прошептала мать. – Настоящий угодник. Вроде тех, что пылали факелами на поле у Барагала полторы тысячи лет назад. Сорок лет мы вместе с твоим отцом. Так вот, когда он взял меня в жены и привез сюда из Этуту, Бенефециум уже тогда был таким, как теперь. Попомни мои слова, если Анкида не сгорит в пламени, ты станешь древним стариком, а Бенефециум каким был, таким и останется.

Замолчал Церритус. Проглотил тогда и ненависть, и злобу. И теперь, выбив дверь в свои палаты, точно так же стал глотать и ненависть, и злобу, поэтому, когда в дверной проем заглянул мальчишка Кларус и с поклоном сообщил, что отряд ожидает принца, Церритус был бодр и весел, и оставался бодр и весел до самого Ардууса. А потом его охватила тошнота.

Принц не узнал Ардуус. Не узнал в мрачных, засыпанных пеплом и наполненных ужасом улицах некогда веселую атерскую столицу. Над городом стоял запах паленой человечины и пролитой крови. Лед на главной площади был липким и красным. Казнями заправляла инквизиция, но подручным при инквизиторах оказался как раз Зелус, да еще один из отпрысков королевского дома Хонора – Алкус – крутился вокруг него. Страх сжал сердце Церритуса. Страх и стыд. Многое он мог предполагать, но такой судьбы, какая выпала двоюродному брату, желать не мог. Зелус, явно обезумевший, встретил появление приятеля радостным визгом, вытер окровавленные руки о зеленый балахон и бросился обнимать Церритуса, а когда был отстранен, стал взахлеб рассказывать об оказанной ему чести королем Пурусом, об изобретенных им, Зелусом, пытках, о том, что сжигание отступников лучше всего очищает их дух и что скоро Пурус будет коронован в императоры, и тогда Зелус поднимется, непременно поднимется и уж точно не забудет о своем друге Церритусе.

– Но главное в другом! – радостно шептал Зелус. – Игнис пойман. Хочешь посмотреть на его страдания? Его оставили на сладкое, будут убивать на коронации! Эх, жаль, двоюродная сестричка его пока не поймана, Процелла, но Пурус обещал мне ее отдать, обещал!

Церритус с трудом избавился от надоедливого родственника и отправился в ближайший трактир, где попытался упиться до потери памяти. Однако сделать это ему не удалось. Тиморский квач обжигал горло, но хмеля в голову не добавлял. Ардуус перестал быть городом, в котором можно было захмелеть от вина. Там, в трактире, его и нашла Аша. Нашла на третий день, потому как в отведенные ему в старом замке покои Церритус так и не явился. Аша вгляделась в лицо принца, не смущаясь потрогала щетину на его подбородке, потом усмехнулась:

– Не самый плохой способ встретить конец Ардууса.

– Есть способ хуже? – прохрипел Церритус. – Выходит, я прогадал? И почему Ардуус должен закончиться?

– Все когда-то заканчивается, – хихикнула мерзкая Аша. – Когда ты видишь дряхлого старика, ты же не удивляешься мысли, что он скоро умрет? С городами так же. Этот Ардуус вот-вот испустит дух.

– Что-то я не заметил дряхлости в его лице, – скривился Церритус.

– Дряхлость в сердце страшнее дряхлости в лице, – проговорила Аша. – Но не волнуйся, закончится старый Ардуус, начнется новый.

– Когда церемония твоего сочетания с... – сплюнул Церритус.

– Обряд произведен без тебя, – пожала она плечами. – Болус, правда, был пьян, да и теперь пьян, так что ничего не помнит. Но все закреплено в свитках и кодексах. За тебя отстоял службу Кларус.

– Разве он вельможа? – удивился Церритус.

– Был вельможей, – вздохнула Аша. – Нечистым, но был. Думаешь, только Бенефециум баловался с вельможными дамами? Отец Зелуса тоже не упускал простолюдинок. Только ты Зелусу об этом не говори.

– Почему? – не понял Церритус. – Почему Кларус был вельможей? И почему не говорить Зелусу?

– Кларус попытался подкупить охрану, чтобы освободить Игнаса, – прошептала Аша, блеснув ненавистью во взгляде. – Его взяли с поличным и тут же отправили на эшафот. Зелус убил его.

– Собственного брата, – замер Церритус. – И вы не спасли его?

– Не успели, – скрипнула зубами Аша, но тут же улыбнулась. – Да и зачем? Неужели ты разглядел во мне добродетель? Не ее ли ты искал, когда пытался сдернуть с меня платье лет пять назад?

– Ты собралась мне мстить? – поморщился Церритус. – Я же не добрался до твоей плоти.

– Только потому и жив, – покачала она головой.

– И все-таки Зелусу надо сказать, – вдруг улыбнулся Церритус.

– Зачем же? – спросила Аша.

– Нехорошо убивать братьев, – прошептал Церритус.

– Неужели? – подняла брови Аша. – Отчего же тогда всякий раз, когда ты смотришь на своего братца Тутуса, кровь закипает у тебя в глазах?

– Да ты... – попробовал встать Церритус, но не смог. Вино, которое не могло нагнать хмеля в голову, наполнило ноги.

– Молчи, – поскучнела Аша. – Скоро коронация. Осталось несколько дней. Ты будешь стоять на коронационной площадке вместе со знатью. Сейчас слуги возьмут тебя, отнесут в замок и эти несколько дней будут отмачивать в воде, умащивать мазями, приводить в чувство.

– Зачем? – откинулся назад Церритус. – Разве я стану императором?

– Это вряд ли, – задумалась Аша. – Но тебе нужен покой. Чтобы выдержать.

– Выдержать что? – не понял Церритус.

– То, что произойдет, – отрезала Аша. – Твой отец попросил нас побеспокоиться о тебе.

– Спасибо папеньке, – прыснул Церритус. – И кто же будет обо мне заботиться? Нестареющий старик угодник? Дочка старика, которую родила ему сестра короля? Верно, она и уговорила моего папеньку удочерить тебя? Чего ж тогда он Морбуса не удочерил? Или усыновил? Как там? Кто его мать, кстати?

– Все просто, – рассмеялась Аша. – Морбус не намечался в невестки к королю Пурусу. А другой причины для титулов, можно сказать, и вовсе нет. А мать Морбуса... Что ж, я скажу тебе. Бенфециум очень мудр, но его мудрость ничем не похожа на ту, что свойственна мудрецам Анкиды. Ты узнаешь. Даже увидишь, думаю. Морбус – это каприз мудреца. Ответ на вопрос, что будет, если найти среди простолюдинов девочку, в которой течет кровь великого мага. Может быть, даже бога. Найти и обрюхатить ее. А когда ребенок родится, убить его мать, поскольку уж очень она своевольна, а мальчишку растить так, как это нужно мудрецу.

– Ты оскорбляешь Энки, – оскалился Церритус.

– Да, – бросила Аша и метнула в лицо названому брату приготовленное заклинание.

Окончательно Церритус пришел в себя только через несколько дней да и лишь волей названной сестрицы. По крепостным ходам цитадели Ардууса Церритуса еще вел Морбус, и уже там, наверху, Аша сняла с принца Бэдгалдингира морок. Он уже собирался броситься на девочку с кулаками, но взгляд Бенфециума остановил его. Взгляд, в котором не было ни злобы, ни ненависти, ни даже усталости, а только такая скука, что Церритус тут же понял, что лучше ему замереть и лишь скашивать взгляд вправо и влево.

А посмотреть было на что. Площадка для коронации была обширна. В ее дальнем конце стоял роскошный королевский шатер, а в центре был установлен императорский трон, сохраненный для короля Пуруса королем Эбаббара. Между зубцами стены замерли спиной к месту ритуала глашатаи, внизу слышался гул, видимо, весь Ардуус собрался на празднество,

а наверху стояли вельможи и странные стражники, поскольку все они были молодыми женщинами. Впрочем, ничто об этом не говорило, кроме их лиц. Церритус поежился и стал приглядываться к стоявшим за тронном гостям. Некоторых из вельмож он знал. Сиял золотом балахон Великого мага ордена Солнца Сола Нубилума. Рядом чернел плащ Великого мага ордена Луны – Табгеса. Ближе других к трону переминался с ноги на ногу Болус – сын Пуруса. Аша рядом с ним застыла изящной, несмотря на зимнее котто, статуэткой. Поодаль замерли в цветных балахонах служители храмов. За ними Церритус узнал Фуртима, брата короля Фиденты, с женой-дакиткой. Мелькнули еще знакомые лица. И самое знакомое было у Игниса, которого выволокли из крепостного хода и стали закреплять на помосте. Зелус в зеленом балахоне крутился вокруг него как шелудивый голодный пес.

– Энки благословенный, – шевельнул губами Церритус. – Избавь от мук и от ужаса. И меня, и каждого в этом городе.

– Иди, – раздался за спиной голос Бенефециума, и только тут принц понял, что уже давно трубят трубы, император идет от шатра к трону, а глашатаи выкрикивают имя... его собственное имя!

«Воевода!» – загудело в груди и висках.

Пошатываясь, Церритус подошел к императору, опустился перед ним на одно колено, бросил короткий взгляд на Зелуса, что облизывал губы и пританцовывал возле распятого на помосте Игниса, заметил ужас, дикий, несвойственный никому из королевского дома Лаписа, ужас в глазах Игниса. Чужой ужас. Чужой.

Пурус шлепнул Церритуса по щеке, пошел к помосту.

– Уходи! – прошипел стоявший тут же Энимал, предстоятель единого Храма. – В сторону!

Церритус попятился. Пурус говорил что-то стоявшей рядом с ним охраннице, которая была удивительно, опасно красива, но Церритус не слышал ни слова, потому что, повизгивая от удовольствия, Зелус начал свое грязное дело. Принялся затягивать руки и ноги жертвы жгутами и почти сразу рубить их. Он рычал как зверь. Кровь брызгала. Игнис извивался и хрипел через забитый тряпьем рот, а Зелус бил и бил топором по конечностям принца, укорачивая вельможное тело со всех сторон. Наконец работа была сделана, Зелус упал на колени и отполз в сторону, Сол Нубилум что-то крикнул, король Пурус поднялся с трона, вытянул из драгоценных ножен восхитительный меч и вонзил его в грудь Игниса. Принц Лаписа вздрогнул, затрясся и замер, обратившись в одно мгновение в принца Утиса – безумного пьянчужку Алкуса Рудиса.

Тишина повисла над стеной цитадели.

– Это еще что? – заорал Пурус. – И где камень? Он уже во мне?

– Нет, ваше величество, – произнесла то ли рабыня, то ли одна из охранниц, шагнула к Пурусу, взяла его за плечо и перерезала ему глотку. Раздались крики, засверкали клинки. Церритус, который и так едва стоял на ногах, зашатался, приготовился к смерти, но никто не коснулся его даже пальцем, и когда он очнулся, или ему показалось, что он очнулся, кругом уже было полно мертвецов, но те, что остались стоять на двух ногах, были страшнее мертвых, захоти они прогуляться по улицам Ардууса. И не все они были людьми. Странные тени колыхались между живыми. Но еще ужаснее были трое – один с пылающими глазами, похожий на вставшего на задние лапы ящера. Другой – напоминающий вываренного живьем до состояния студня – мертвеца. Третий – посеревший, с клыками зверя, почти великан, до ужаса напоминающий Бенефециума.

«Энки благословенный», – в беспомощности подумал Церритус, закрыл глаза и уже не открывал их, даже когда почувствовал маленькую, но твердую руку Аши на своей ладони, и даже когда услышал и собственное имя, и даже тогда, когда ударила молния. Открыл он их только тогда, когда над городом уже неслись истошные крики, а тяжелые огромные пальцы сжали его за плечи.

Церритус открыл глаза и окаменел. Перед ним был Зелус. Но не тот Зелус, которого он одаривал щелчками и насмешками, а другой Зелус, для которого прежний служил всего лишь сухой шелухой, что должна была унести с ветром. Уже уносилась. Он был выше Церритуса на голову и в два раза шире его в плечах, но Церритус не видел ничего, кроме обычных, разве что очень больших серых глаз. Зелус наклонился, подал принца к себе, уперся в его лоб собственным, холодным словно лед лбом и прошелестел чуть слышно, заглушая всякий звук на века и на тысячи лиг.

– Церритус?

– Церритус, мой император, – с трудом вымолвил принц.

– Я люблю тебя, Церритус, – прошептал Зелус и добавил, укутывая принца теплым и нежным мраком: – Будешь умницей, пожалуй тебе корону Бэдгалдингира. Готовься. Через две недели, когда наступит великая радость, отправишься домой, соберешь войско и приведешь его ко мне, дабы уберечь его, как залог славы твоей.

– Слушаюсь! – захрипел Церритус, захлебываясь от невыразимого счастья.

Глава четвертая. Совет

В старом шатре хватило места не только угодникам. Жаровню вынесли прочь, вместо нее поставили круглый стол с траурной курительницей, на верхушке шатра распустили отдушину, но сумрак в шатре не развеялся, поэтому к курительнице пришлось добавить и лампы, свет которых не достигал скамей, расставленных кругом, но должен был осветить лица. Ни Фалко, ни Фелис не явились. Наверное, у них было достаточно других забот. Однако странное собрание не осталось без вельможных персон, чья важность, может быть, не уступала славе вырвавшегося из Ардууса Фалко Верти, который готовился к коронации, и наследника Утиса – Фелиса Адорири. Вместо них явились одетые в черное вдова короля Фиденты Арома Верти, урожденная Валор, сестра покойного короля Тимора, и младший брат короля Утиса – Асперум, отец Фестинуса и Сервы. Оставив свиту снаружи, они проследовали внутрь шатра. Син стоял у входа и каждого встречал низким поклоном. Следом за Аромой вошел ее младший сын Джокус и занял место возле матери. Рядом с Асперумом села его племянница, принцесса Утиса – Аментия и его дети – Фестинус и Серва. Затем пришел черед Экслиса, герцога Кирума, его жены Монс, Камы, Лавы и Литуса. Последними в шатер вошли Туррис, Аменс, Орс и Син. Королева кивком разрешила им сесть, и в этот миг за стеной шатра послышался топот копыт, возгласы, полог откинулся, и в шатер вошла молодая женщина с малышом на руках. Все, кроме королевы, встали.

– Бона Краниум! – торжественно произнес Асперум. – Принцесса Хонора и жена наследника короля Бабу.

– Садитесь, – прошептала некогда едва ли не самая веселая из всех принцесс Анкиды. – Я уже не жена наследника короля Бабу. Я мать наследника. Если что-то останется от атерских королевств, и Бабу возродится, то кровь дома Рудусов – в этом мальчишке. Лурус Краниум его имя. Мой муж погиб. Мой муж – Такитус Краниум – погиб, – ее голос срывался. – Мой свекор, король Бабу, Флагрум Краниум – погиб. Моя свекровь, королева Бабу, Фенестра Краниум – погибла.

– Энки благословенный, – прошептала, вставая, Арома, чья дочь тоже была замужем за одним из сыновей короля Бабу. – Остальные?

– Были живы неделю назад, – прошептала Рона. – Нас отправили в Хонор. Едва потянулись беженцы из Араманы и дошли вести о напасти, что выбралась из подземелий Донасдогама, всех женщин и детей отправили в Хонор. Кроме королевы Бабу. Неделю назад я получила весть, что должна сберечь моего Лусуса в Фиденте или в Лаписе. В Бабу пришел враг. Я еще не знаю, что случилось в Раппу, но враг проник в замок Бабу. Эти мерзкие гахи пришли через горы. Они ползают по скалам, как ящерицы. Они сняли стражу и проникли в опочивальню короля. Убили и его, и королеву. Поднялась тревога, лазутчиков истребили, хотя их было под две сотни. Но погибло столько же стражников и мой муж. Письмо для меня с голубем отправил в Хонор брат моего мужа, Пуэр, твой зять, королева. Значит, он и третий брат еще живы. Были живы. Его жена и твоя дочь, Страта, вместе с детьми и женой Веритаса в обозе войска Муруса. Он движется на север, к Утису. Я их видела. Больше я ничего не знаю.

– Садись, – тихо произнесла Арома и окинула взглядом всех, кто собрался в шатре. Кама чуть дышала. Она помнила гордый профиль сестры короля Вигила Валора еще с тех пор, когда та была молода. Теперь ее волосы стали седыми, но красота никуда не делась. И все же ее время проходило.

– Все садитесь, – повысила голос Арома, а когда стоять осталась только она и Син, кивнула. – Говори, угодник. Мы выслушаем те новости, о которых ты хочешь сообщить нам, после чего уйдем. Я не знаю, будет ли судьба этого мира так же благословенна, как полторы тысячи

лет назад, когда она покорила Энки и другим угодникам, но я услышала твое приглашение, и я здесь. Говори.

Королева села.

– Твой приход великая честь для всех нас, – снова склонил голову в поклоне Син. – И я благодарен каждому, кто сейчас рядом с нами, даже если его нет в этом шатре. Некоторые из нас угодники, пусть и не боги. Но полторы тысячи лет назад все решили не только они, а еще и доблесть тех, кто защищал эту землю, королева.

– Ты думаешь, что все повторится? – спросила королева.

– Думаю, что в этот раз все закончится, – произнес Син. – Или для нас, или для нашего врага. Но я не буду испытывать ваше терпение. Сегодня угодники разойдутся в разные стороны, потому что время уходит. Думаю, что всем нам суждено встретиться в Барагале, мы его не минуем, но перед тем, последним испытанием, нам придется пережить многое. Поэтому до Барагала доберутся не все.

– Что случилось пять дней назад? – повысила голос королева. – Отчего потемнело небо? Что за молнии били над Ардуусом? Почему умер мой муж? У тебя есть именно эти новости? Все, у кого я спрашивала об угодниках, говорили, что ты первый среди них.

– Мы не мерились, – ответил Син. – Среди угодников есть и те, кто много сильнее меня, и те, кто видел больше меня, но в последние дни мне удалось узнать многое. Слушайте, Ваше Величество. И первая новость будет самой страшной. Великого Ардууса больше нет.

– Что с ним случилось?! – воскликнул Асперум. – Он провалился сквозь землю? Или его постигла судьба Кирума? И чего ждать нам?

– Не спеши, брат короля! – повысил голос Син. – И лови каждое слово, потому что повторять я не буду и со многими из вас больше не увижусь. Великого Ардууса больше нет, потому что нет короля Пуруса. Он убит. Императором стал Зелус, племянник короля Бэдгалдингира. Но это не тот Зелус, которого все помнят как знатного пьянчужку из-за стены. Он лишь подвернулся под руку во время обряда. Светлая Пустошь ожила. Она исторгла оставленную Лучезарным тень, и та накрыла Зелуса.

Син сделал паузу, окинул взглядом замерших слушателей и понизил голос:

– Это еще не Лучезарный, но это губитель, который готов уничтожить все под этим небом, чтобы вернуть Лучезарного!

– Разве его можно вернуть? – прошептала Арома. – И если можно, как это остановить?

– Я покину вас сегодня, чтобы узнать это, – ответил Син. – Уйду один. Может быть, найду ответ. Но часть ответа мне очевидна уже теперь. Нужно сражаться.

– С кем? – скрипнул зубами Асперум.

– С врагом, – ответил Син. – И в этот раз его намного больше, чем полторы тысячи лет назад. Хватит каждому. Тем более что нас меньше!

Угодник говорил долго. Он рассказал о том, что Раппу не продержалась против гахов и пяти дней, и сейчас последние ее защитники бьются против врага уже на земле Бабу и вряд ли удержат гахов больше недели. Он поведал о том, что орда взяла древний Самсум, потеряв не так уж много воинов, и лишь древние магические башни все еще сдерживают степняков, но скоро падут и они. Наконец Син сообщил, что уже пять дней идет штурм великой стены Алки, и войско Эрсет возьмет ее в ближайшие дни.

– Каково число врага? – наконец произнесла Арома.

– Его силы больше сил Лучезарного, – пожал плечами Син. – Гахов около двухсот пятидесяти тысяч. Может быть, триста. Это очень большая сила. Надеюсь, что хотя бы четверть ее сгинет в долине Сана-Баба. Гахи – страшный враг, но с ним можно сражаться. Думаю, именно он выйдет на этот берег. В орде воинов еще больше. Намного больше. Более пятисот тысяч, а уж если собрать все их шайки... Полно отрядов, что занимаются грабежом за морем Тамту,

полно отрядов в самой степи. Орда, скорее всего, пойдет к Эбаббару или Тимору. Из Эрсет к Алке подступило миллионное войско.

– Это все? – прошелестел Асперум.

– Этого мало? – удивился Син. – Есть еще и Ардуус. Фалко и Фелис сумели увести оттуда двадцать тысяч воинов. Но их там и осталось немало. За ардуусской стеной сто шестьдесят тысяч клинков. Что скрыто во мгле Светлой Пустоши, я пока не знаю. В любом случае у врага почти два миллиона человек. Никогда ни один враг не собирал стольких воинов под свои стяги.

– Слишком много, – стиснула зубы Арома.

– Не будем огорчаться раньше времени, – проговорил Син. – Есть надежда, что судьба будет подавать на наш стол эти блюда не сразу, а частями.

– Как же так? – поднялся Джокус. – Что это значит? Нам придется сражаться против Ардууса? Но ведь там наши братья! Сто тысяч атерских воинов Ардууса! Десять тысяч воинов Аштарака! Двадцать тысяч из Бабу, Раппу и Хонора! Наконец, Фалко и Фелис увели двадцать тысяч из пятидесяти! Осталось еще тридцать тысяч! Многих из них я знаю по именам!

– Они не смогли их увести, – громко произнес Син. – Моли богов, Джокус, чтобы твои земляки очнулись до того, как поднимут мечи против тебя самого. И не забывай, что среди миллиона, бьющихся о бастионы Алки, большинство – тоже атеры!

– Почему ты думаешь, что если кто-то околдовал воинов в пределах Ардууса, он не околдует тех воинов, что еще верны нам? – спросила Арома.

– Потому, что все говорит о том, что Зелусу нужны смерти. Сотни тысяч смертей, – мрачно проговорил Син. – Ярость твоих подданных, королева, лучше колдовства. Фидента – оплот юга Анкиды. Послушай меня. Орду ведут даку, телами главарей которых владеют мурсы. Гахов ведет гах, захваченный мурсом. Воинством Эрсет правит либо мурс, либо его ставленник. За Светлой Пустошью следит мурс. Правители Анкиды защищены амулетами, и тем не менее еще два мурса попытались захватить их. Пострадал твой муж и Адамас Валор, твой племянник. Адамас выжил и уже оправился. Твой муж был не молод, он не уступил, но и не выжил. Это смертельная игра, Арома. Для Губителя это игра. И лишь это еще дает нам надежду. Мы будем сражаться с ним и играть. Если бы мы только сражались, он смел бы нас, как луговой пух.

– Чем мы будем сражаться? – горько прошептала Арома. – Что у нас есть?

– Есть кое-что, – заметил Син. – И я могу огласить список, королева. У нас есть слава Энки и его защита, которая не позволяет Губителю привлечь из сущего тысячи аксов и тысячи мурсов. У него осталось всего три акса и чуть больше десятка мурсов. На нашей стороне тоже есть два акса и даже один мурс, который стоит нескольких мурсов с той стороны. На нашей стороне Бараггал, священное место. На нашей стороне четыре магических ордена, башни которых даже без главных магов уже месяц грызет орда в Самсуме. На нашей стороне семьдесят тысяч воинов Араманы, Раппу и Бабу, которые уже теперь сражаются с гахами в ущелье Сана-Баба. На нашей стороне тридцатитысячное войско Муруса, в которое влились или вольются воины Дины, Хонора и Аштарака общим числом в двадцать пять тысяч воинов. Здесь у тебя, королева, с теми воинами, что привели Фалко и Фелис – сорок тысяч воинов. В Лаписе – вместе с дружиной Кирума и силами, спасшимися из Эрсет и Даккиты – пятьдесят тысяч лучших воинов. В Эбаббаре – пятьдесят тысяч! В Бэдгалдингире – семьдесят тысяч! Наконец, в Тиморе собрано огромное войско, почти сто семьдесят тысяч воинов! Из них пять тысяч этлу! Такого не было и в битве при Бараггале!

– Всего получается примерно пятьсот тысяч воинов, – вздохнул Джокус.

– Да, – кивнула королева. – И на каждого из них четыре врага. Причем треть этих воинов уже сражается и гибнет.

– Нам могут помочь юго-западные королевства, – нахмурился Син.

– И на нас еще тяжкий груз беженцев, – поднялась королева, заставив встать всех остальных. – Что ж, не могу сказать, что ты меня порадовал, угодник. Это все?

– Еще угодники, – повел рукой Син. – Когда-то это оказалось важным.

– Те угодники были богами, – прошептала Арома. – Ладно. Я все поняла. Мы будем сражаться. Джокус, ты не передумаешь?

– Нет, – твердо сказал принц.

– Нет, – добавили Аментия, Фестинус и Серва.

– Мы еще поговорим об этом, – скрипнул зубами Асперум и вслед за королевой вышел из шатра. Бона с ребенком ушла вслед за ними.

– Это все, что мы должны были узнать? – спросил в тишине Сина Джокус.

– Садитесь, – проговорил Син. – Нас осталось четырнадцать. Ты готов стать угодником, принц?

– Для этого нужно отказаться от титула принца? – спросил Джокус.

Черноволокный и худой отпрыск королевского дома Верти выглядел растерянным и как будто огорченным.

– Нет, – задумался Син. – Но, может быть, придется расстаться с жизнью. Впрочем, я не предлагаю. И уж тем более не предостерегаю. Все ясно, как белый день. У тебя ведь есть и свои резоны?

– Отчасти, – задумался принц. – Мне кажется, что тихого уголка, где можно отсидеться, в Анкиде не осталось. Поэтому я не хочу что-то пропустить. Насколько хватит моей жизни. Вот ты говоришь, что уходишь сегодня, ты идешь один? Случаем, не в Барагалл?

– Один, – кивнул Син. – И не в Барагалл. И никто не сможет последовать за мной. Вы поймете... позже. И не только я уйду сегодня. Все уйдут сегодня. Кроме Литуса и... – Син помедлил. – Лавы. Хотя Лава может отправиться в Лапис.

– Нет, я с Литусом, – отчеканила Лава и ухватила бастарда за локоть.

– Ты даже не спросила, куда мне придется идти, – заметил бастард.

– Куда угодно, – сцепила зубы Лава.

– Тогда тебе с ними, – пожал плечами Син. – Им отправляться завтра. В Эбббар. Это самое близкое место к Барагаллу.

– Что мы там будем делать? – спросил Литус.

– Не знаю, – ответил Син и повторил громче: – В самом деле – не знаю! Все пока еще в тумане, хотя общие контуры я начинаю угадывать. Перед тем как сказать каждому, что он должен сделать, я хочу назвать имена тех, кого вы, может быть, еще считаете живыми, хотя их уже нет. Слушайте и помните, что уже завтра это список может вырасти. А к концу этой войны, боюсь, легче будет перечислить тех, кто останется жив.

– Анкида останется, – прошептала Кама.

– Не волнуйся, – буркнул сидевший рядом Орс. – Если окажется, что я проживу дольше, а ты нет, и я увижу, что мы победили, то я обязательно покончу с собой, чтобы найти тебя у престола господина и сообщить о лучшем исходе для Анкиды. Надеюсь, меня туда допустят. Хотя бы в виде исключения.

– А если нет? – хмыкнула Кама.

– Ну, если я не появился у престола, значит, мы проиграли, – пожал плечами Орс. – И я, как проигравший, сгинул в пучинах сущего.

– Или передумал самоубиваться, – хихикнул Аменс.

– Ну или так, – вызвав общий смех, согласился Орс.

– Ты пойдешь с Камой, Орс, – позволил себе улыбнуться Син. – Чтобы не искушать судьбу. Тем не менее давайте вернемся к печальным вестям. Джокус, запоминай. У тебя будет время, чтобы сообщить близким.

– Много имен? – прошептал побледневшими губами Джокус.

- Много, – кивнул Син. – Но ты запомнишь, Аментия позаботится об этом.
- Да, – кивнула принцесса Утиса.
- Первой приняла удар Арамана, – сказал Син. – Мертвы князь Араманы Силекс Скутум, княгиня – Тилия Скутум. Братья князя – Прунум и Претиум. Племянник князя – Планус. Княжичи – Вервекс и Аласер.
- Энки благословенный! – всхлипнула Туррис. – Аласер же еще мальчишка!
- Раппу, – продолжил Син. – Мертва королева Рима Нимис и герцог Lentус. Отступающим войском Раппу командует твоя сестра, Литус, Субула.
- Согнулся, обхватив голову руками, Эксилис.
- О Бабу вы уже знаете, – вздохнул Син. – Хонор счет своим потерям еще не открыл. На войне. Но в Ардуусе убит принц Хонора – Алкус Рудус. Я так думаю, что Урсус Рудус с его дядюшкой отправились туда на замену. Князь Аштарака – Канис Тимпанум – тоже мертв.
- Это все? – поднялся Джокус. – Кроме них еще мой отец? Больше пока еще никто не воевал?
- Не все, – покачал головой Син. – Мертв или уж во всяком случае не находится в этом мире король Эбббара, отец Литуса. И потери Фиденты тоже не ограничиваются твоим отцом, Джокус. Твой дядя Фуртим и его жена Млу убиты в Ардуусе.
- Проклятый Пурус! – скрипнул зубами Джокус.
- Пурус Арундо, Болус Арундо и целая толпа знати тоже перебита в Ардуусе, – сказал Син и добавил, посмотрев на Лаву: – Из всех Арундо в живых осталась только ты, Лаурус и дочь Пуруса – Фосса.
- Из всех Тотумов только я, Игнис, Процелла и Дивинус, – прошептала Кама. – И стоило все это затевать?
- Это все? – спросил Эксилис.
- Почти, – ответил Син. – Твой дядя мертв, Эксилис. Он погиб в первые дни штурма. Пока что обороной Алки командует Ванитас, брат короля Тигнума, но сам Тигнум тоже мертв. Стая сэнмурвов разорвала его. Основное войско Бэдгалдингира тоже движется к Алке. Принц Тутус отправил весть Вануму, второму брату короля Бэдгалдингира, что будет со дня на день в королевстве, его жена рождает третьего ребенка, но Ванум отправился в Ардуус.
- Ванум отец этого мерзкого Зелуса! – вскричал Джокус. – А где Церритус, второй принц Бэдгалдингира?
- Также в Ардуусе, – ответил Син. – Служит Зелусу.
- Как ты узнал все это? – спросил Сина Литус.
- Ты поймешь... – ответил тот. – Чуть позже.
- Может быть, это расплата? – спросила вдруг Лава. – Полторы тысячи лет назад атеры сражались на стороне Лучезарного. Может быть, Энки наказывает нас? Или Лучезарный за то, что мы перешли на сторону Энки? Сколько смертей в последние годы? Короля и королевы Обстинара – нет. Короля и королевы Тимора – нет. Короля Эбббара – нет. Короля Бэдгалдингира – нет. Короля и королевы Ардууса – нет. Королей Кирума, Лаписа, теперь и Фиденты – нет! Королей Бабу! Короля и королевы Раппу!
- Ну, король Кирума не был атером, да и король Бэдгалдингира, и король Эбббара, – развел руками Син. – Так что это пустой разговор. Теперь лучше о том, куда и как нам расходиться.
- Расходиться, чтобы встретиться? – осторожно спросила Кама.
- Чтобы сражаться, а уж там будет видно, – ответил Син. – Мне нужно, чтобы камни были как можно дальше друг от друга. И чтобы в каждой армии Анкиды был хотя бы один из них. К тому же есть и другие соображения, которые пока туманом стоят у меня в голове. Во всяком случае, каждый из вас будет знать, что ему делать. Кама, тебе нужно идти в Лапис. С тобой пойдет Орс. Он защитит тебя.

– Или она защитит меня, – сделал глуповатое лицо Орс.

– Как решите, – усмехнулся Син. – Ты побледнела. Ничего страшного. Когда-то ты должна была вернуться. Мне нужно, чтобы в том войске был еще кто-то, кроме Дивинуса. Он отличный герцог, может быть, храбрый воин, но вряд ли воевода. К тому же я почувствовал беду, что нависает над Лаписом. Она схожа с твоим мечом.

– Эрсет? – побледнела Кама, положив руку на эфес черного меча.

– Наверное, – кивнул Син. – Надеюсь, что этот враг будет тебе по силам, хотя ты должна быть готова встретить даже мурса или акса. Поэтому с тобой пойдет Орс.

– Что им нужно в Лаписе? – напряглась Кама.

– То, что унесла отсюда Процелла, – объяснил Син. – После того что творится теперь в Кируме, я уже не уверен, что это было правильное решение. Заботу об этой вещице тебе придется взять на себя. Повесишь ее на Орс и будешь приглядывать за обоими. Или поступишь так, как подскажет тебе сердце. Есть еще одна забота. Но о ней тебе расскажет Касасам. Отправляешься сегодня же.

– Я могу хотя бы дослушать до конца? – стиснула губы Кама.

– Несомненно, – кивнул Син. – Тем более что многие из нас никогда больше не увидят друг друга. Мне так кажется. Теперь – Литус. Тебе нужно идти в Эбаббар. Возьмешь с собой Лаву. Не знаю, как сложится и что сложится там, но я советую тебе вновь пристать к ордену Земли. Может быть, ты первым попадешь в Бараггал. Тебе там придется нелегко. Завтра с утра прибудет корабль моего друга Моллиса. Он уже в пути. Он доставит тебя. Отплытие вечером.

– Почему вечером? – не понял Литус. – Разве не дорог каждый час? И что это за корабль, если он способен плыть через Светлую Пустошь?

– Это особенный корабль, – сказал Син. – Моллис тебе расскажет о нем в подробностях. Он уже знает о своей задаче. Но вы пойдете вечером, потому что будете ждать важных пассажиров. Завтра к вечеру провожатый приведет на корабль детей твоей сестры, Субулы. И не только их. Надежда половины атерских королевств и обоих араманских княжеств будет на этом корабле. Ты сопроводишь их до Эбаббара. Дальше они справятся без тебя. Корабль пойдет в Тимор. Но в Эбаббаре тебе, Литус, следует быть осторожным, поскольку твой брат Сигнум зол на тебя. Или, как мне кажется, обеспокоен твоим возможным появлением.

– Хорошая причина для беспокойства, когда Анкида на краю гибели, – процедила сквозь зубы Лава. – Надеюсь, я Сигнума не беспокою?

– А ты уверен, что Сигнум не перевернется на сторону Ардууса? – спросил Литус Сина, положив ладонь на руку Лавы.

– Уверен, – кивнул Син. – Четыре магических ордена тому порукой. И ты в том числе.

– Кто провожатый? – спросила Лава.

– Тела, – ответил Син.

– Тела? – вскочила с места Кама.

– Да, – повысил голос Син. – И с нею будут не только дети Субулы! Поэтому сядь, прекрасная принцесса! Будет нужно, ты станешь сражаться с Телой спиной к спине!

– А если она вонзит в мою спину нож так же, как вонзила его в спину моей семьи? – с ненавистью прошипела Кама.

– Уж постарайся, чтобы этого не случилось, – ответил Син. – Да, я хочу, чтобы ты, Джокус, помог Литусу и Лаве на пути до Эбаббара. Тебе нужно в Бараггал, другого пути как через Эбаббар – нет. Корабль Моллиса пойдет дальше, но не будет причаливать в Уманни, там может быть небезопасно. Кстати, среди детей будут и твои родственники. Увидишь.

– Почему именно Тимор? – спросил Джокус. – Разве нет безопасного места поближе?

– Мне кажется, что безопасного места нет вообще, – вздохнул Син. – Но если я всех отправлю в Лапис, именно туда и ползет самая страшная беда. В Тиморе наиболее сильное войско из тех, что собрались противостоять этой новой погани. А в Эбаббаре или в Барагале

мы рано или поздно окажемся все. Или все, кто выживет. К тому же и Уманни рано или поздно будет очищен. Полторы тысячи лет назад именно возле него спасся обоз всего войска, противостоящего Лучезарному.

– А мы? – спросила Туррис, покосившись на Аменса и окинув взглядом остальных. – У нас нет камня. Мы не великие воины. Мы умеем что-то, но и только.

– Многие всю жизнь мечтают добраться до этого «но и только» и никогда не достигают, – улыбнулся Син. – Я хочу попросить вас, может быть, о самом сложном. Сейчас с севера к Кируму пытается пробиться Игнис с двумя спутницами.

– Игнис! – снова вскочила Кама.

– Успокойся, – улыбнулся Син. – Он жив и здоров. Но его нужно остановить. Может быть, магией. Безопасно продвигаться можно лишь вдоль самых гор, там, где провели своих воинов Фалко и Фелис. Туррис, твои птицы не смогут летать над пустошью, да и вам самим не следует соваться туда, где они ищут дорогу, но ты дашь наводку Аментии, она привлечет Игниса в нужное место. Аменс, Фестинус и Серва помогут вам. Если, конечно, их отпустит отец.

– Что за спутницы? – спросил Эксилис.

– Брита из Фиденты и Бибера из Бэдгалдингира, – назвал Син. – Две девушки, которые уже не раз удивляли меня и, думаю, удивят еще больше.

– Отпустит, – твердо пообещал Фестинус.

– А я сбегу, – прошептала Серва.

– А потом? – не унимался Эксилис, положив руку на колено жены, ибо та не проронила ни слова.

– Нужно, чтобы Игнис пошел на север, – признался Син. – Там нет ни одного камня. Там, кажется, нет хорошего колдуна. Адамас пострадал не просто так. И там нет ни одного угодника. Ни в Бэдгалдингире, ни в Тиморе. Туда нужно попасть обязательно. А там уж как сложится.

– Отпустит, – вздохнула Серва. – Тимор сейчас самое безопасное место. К тому же я никогда не видела этлу.

– Я тоже иду на север, – встал Эксилис. – Со мной Монс и пятьдесят моих лучших стражников. Если мой дядя погиб, мне нужно быть в Алке.

– Значит, так тому и быть, – согласился Син.

– Держи, – Эксилис шагнул к Каме и протянул ей серебристую бляху, на которой был вытравлен силуэт черного кабана. – Возьми. Те пятьдесят моих стражников, что проводят тебя до Лаписа, не хуже тех, что я беру с собой. Они чуть старше и чуть опытнее, может, это и лучше. Но в Лаписе пять тысяч кирумцев. Вся дружина. С этой бляхой они будут служить тебе, как своему королю.

– Спасибо, Эксилис, – поклонилась герцогу Кама. – Надеюсь, ты передашь Игнису, что я очень хочу его увидеть, и он должен оказаться живым на момент нашей встречи.

– Представляю, что он тебе ответит, – улыбнулся Эксилис.

– Это все? – вдруг подала голос Аментия.

Принцесса Утиса, которая на последней ярмарке в Ардуусе повергла своим колдовством в шок даже колдуна Софуса, прищурилась и неожиданно улыбнулась, что показалось странным всем, кого одолевали мрачные мысли. Впрочем, Аментия всегда считалась безумной.

– Син, ведь ты хотел что-то сказать еще. Нет? И показать? Что ты задумал? Где остальные камни?

– Остальные камни? – пробормотал Син, и Кама вдруг почувствовала и его старость, и безмерную усталость.

– Все не так, – начал он говорить, нащупывая что-то за пазухой. – Все не так, как могло бы показаться. Ну хорошо, пусть будут камни. Они не камни, но пусть будут. Их семь. Семь... узлов. Семь узлов в огненной сети. Так стало, но не так было. Совсем не так. Я седьмой. Я почти

выпал из этой сети. Полторы тысячи лет назад. И если я не попаду опять в нее, есть надежда, что освободятся и прочие. А уж там... Там... Лучше я подожду, надо еще разобраться, я пока лишь сделал один шаг. Из тысяч. Поэтому я ухожу.

Он говорил так, словно хмель внезапно одолел его. Никто не спускал с него глаз, Аментия так и вовсе привстала.

– Ты, – Син показал на Литуса, – будешь близ Бараггала. Как сложится.

Ты, – взгляд метнулся к Каме, – начнешь с Лаписы, а уж там... Береги себя. Ты, Литус и Игнис – прочнее прочих. Вы должны выдержать до конца. Игнис уйдет на север, и получится треугольник. Треугольник...

Син зажмурился, пошевелил пальцами за пазухой, рассмеялся.

– Но камней семь. Шесть узлов, и я как след от узла... А ведь он испугается. Или настоится. И это хорошо. Очень хорошо. Поэтому уходить сегодня же. Кроме вас – Литус, Лава и Джокус. Литус, ты укроешь их пока, а потом корабль укроет их. Главное – уйти с этого места. У вас будет примерно час. Поспешите. Надолго он на этот берег не полезет. Вода помешает. Он уже и так... тонким слоем. Но силы у него очень много. И будет еще больше. Ничего не упускайте, слушайте, все отмечайте. И думайте, думайте, думайте.

– Три камня, – напомнила Аментия.

– Четыре, – дернул подбородком Син. – Литус, Кама, Игнис, Син или Бали. Хотя я и чуть другой. Чуть другой. Пятый камень на юге. В орде. Этот камень очень страшен. Не сам по себе, а своей оправой, но там есть кому им заняться, есть... Шестой камень – у Зелуса. Был в Эрсет, но пришел к Зелусу. Это ключ к каждому из вас. Не позволяйте открыть себя. Не позволяйте. А он попробует. Хотя он уверен, что вы будете служить ему, даже не зная об этом. И так может быть.

– Седьмой? – напомнила Аментия.

– У маленькой девочки, – покачал головой Син. – Самый странный. Такого не могло быть, но случилось. Ничего не могу сказать. Но есть надежда, что с ней будет легче всех. Там Хубар. Пусиллус. Он укрывает девочку так, что даже я ее не вижу. Не знаю, где она. Пусть так и будет. Оно и к лучшему.

– Пятеро против двух? – спросила Кама.

– Нет, – скривился Син. – Главного не понимаешь. Это сеть. Паутина. Нельзя разделить. Или все семь за, или все семь против. Одно целое. Поэтому я ухожу. Надо думать, думать, значит, привлекать к себе, поэтому... так...

– Как? – повысила голос Аментия.

– Так! – вдруг почти простонал и заплакал Син. Потом выдернул руку из-за пазухи и вытянул сначала золотой завиток, что принесла к нему в кيسете Процелла, а потом потянул дальше, дальше, вытянул сверкающую золотом нить, натянул ее между руками, заставив задрожать струной, мгновенно соединил концы и обратил огненное кольцо в кольцо ледяной тьмы. А затем, когда всех в шатре обдало холодом и тьма стала развеиваться непроглядными хлопьями, Син пробормотал вполголоса:

– Кажется, вот так, – и растаял сам. Растаял, словно не живым человеком стоял секунду назад, а обрывком тумана, поднявшимся над сырым местом.

Звякнул упавший на пол осколок с причудливыми рунами.

– Забыл или выронил, – подняла Кама то, что передала Сину Процелла.

– Энки благословенный, – прошептал Джокус.

– Ну, вот не может без фокусов, – расстроился Аменс.

– Это того стоило, – пробормотала Аментия. – Представление продолжается...

– Быстро, – вскочила на ноги Туррис. – Все вон из шатра!

Глава пятая. Джокус

Ночь пришлось провести у костра. Еще с вечера, так и не придя в себя после исчезновения Сина, спутники обнялись и разошлись каждый в свою сторону. В ту, которую определил им странный угодник – Син или Бали, который так ничего толком и не объяснил, наверное, и сам не до конца все понял, но сумел совершить то, что было подвластно только мурсам – растворился в воздухе. Герцог без герцогства – Эксилис с женой и пятьюдесятью стражниками вместе с Туррис, Аменсом, а также Аментией, Фестинусом и Сервой пошли на север, надеясь отыскать и остановить Игниса. Кама и Орс с оставшимися стражами Кирума – на восток. Литус и Лава остались ждать обещанный корабль под началом капитана Моллиса. Правда, еще до расставания, когда кони только седлались, а черные молнии со стороны Кирума уже били в оставленный шатер, друзья собрались вокруг Орса. Великан сначала недоуменно повертел головой, а затем затянул узел поклажи и развел руками:

– Не знаю. Не знаю, как это у него вышло. Всегда я был уверен, что Син обычный человек, которого боги, может быть, даже сам Энки, пожаловали завидным долголетием. Только это и ничего больше. Мурса я распознаю сразу, да и как бы ни был силен мурс, не может он топтать землю, носить тяжести или еще что-то такое, а если и может, то надолго его не хватит. Ему нужно тело, а тут... Тут тело и обратилось... в ничто оно обратилось. Рассеялось и улетело.

– Может быть, он был аксом? – прищурилась Кама.

– Аксом? – задумался Орс. – Я сразу скажу, что с аксами я не сталкивался. Или не знал о том, если и сталкивался. О давнем говорить не будем, раньше и я был не тот, что теперь. Да вроде бы ходили слухи, что акс может... разное. Может, не каждый, и не все, но кое-кто способен к таким чудесам. Но Син аксом не был точно. Он камень. Или я оглох и услышал не то, что он сказал? Чего-чего, а во лжи старик замечен не был никогда.

– Син, Бали, – пробормотала Туррис. – Как ни крути, камень.

– Это что ж получается, – хихикнул Аменс. – Выходит, что и Литус, и Кама, и, кто там еще, Игнис – тоже могут вот так изогнуться дымом – и пшик?

– Вряд ли, – усомнился Орс. – Одно дело, когда камень – камень и есть, и другое, когда он... попал внутрь.

– И какая разница? – с невинным видом поинтересовалась Лава.

– Если бы я знал, тогда...

Орс задумался, определяя для себя, что бы он сделал, если бы что-то знал, но потом просто махнул рукой и добавил:

– Если бы я знал, то б и рассказал. А я не знаю, значит, и говорить нечего. А если бы Син был аксом, то я б радовался, потому что акс – это сила. Два акса на нашей стороне – Хубар и Амади, и я вам скажу, что каждый стоит... стоит акса. Но Син не акс.

– Мы еще увидим его? – прошептала Серва и, словно испугавшись собственных слов, спряталась за спиной брата Фестинуса.

– Увидим, – подала голос Аментия. – Живы будем, увидим точно. Сдается мне, без Сина эта история не завершится. Если, конечно, она вообще завершится когда-нибудь.

– Значит, надо выжить, – буркнул Орс. – И выжить с пользой.

– Да, – снова хихикнул Аменс. – Если бы я был мурсом, то я бы тоже так говорил. Но поскольку у меня в этом деле попытка может быть только одна, то скажем тогда чуть по-другому. Хорошо бы выжить, но если придется умереть, то умереть надо с пользой.

– Это я могу умереть с пользой, – не согласился Орс. – А ты уж лучше живи, приятель.

– Вот и договорились, – запрыгнула в седло Кама и подмигнула Лаве, с которой успела обняться и которая теперь едва сдерживала слезы. – Не плачь, сестра. Побереги слезы. Еще пригодятся.

Слез Лава так и не смогла сдержать. Нет, она крепилась, тыкалась носом в плечо Литуса, пока стояла на берегу, ожидая парома в Утис, кусала губы, пока с заледенелого плота сходили на берег вымотанные, перепуганные беженцы с араманскими и атерскими лицами, но уже на утисском берегу заскулила, как раненая собака.

– Может быть, в Лапис? – развернул ее за плечи Литус. – Догонишь Каму... Что тебе в Эбabbаре?

– Ты, – только и пробормотала она, да так и замерла в крепких руках или бастарда короля Эбabbара, или теперь уже принца древнего королевства, а может быть, и вовсе неизвестно кого? Сам-то уж он точно не мог этого знать. Отправлялся в родной город, окруженный бедой, не ведая, что его ждет там и что он будет там делать. А уж что он будет делать там вместе с избранной им... А она избрана им или нет?

Лава оторвалась от груди Литуса, хотела рассмотреть его лицо, но тьма уже сгустилась настолько, что ничего нельзя было разглядеть, лишь отблески факелов в руках стражников Утиса, что сопровождали беженцев, сверкали в глазах Литуса.

– Чего встали?! – раздался окрик паромщика. – Идти некуда? Все в Фиденту, а вы обратно? Жизнь не дорога? Тут и пары лиг не пройдешь, как начинается та же погань, что и на кирумском берегу. Хорошо хоть не беснуется пока. Где ваши лошади?

– На пристань мы, – ответил Литус. – Есть где остановиться у пристани?

– Чего вам на пристани? – не понял паромщик. – Какого демона?

– Кораблик завтра придет за нами, – неожиданно ответил Литус.

– Ты бредишь, парень, или придуриваешься? – удивился паромщик. – Не будет завтра никакого кораблика. И послезавтра не будет. Ушла тут на днях последняя барка. С колдунами, но даже им вряд ли удастся пробиться. Да и куда? Куда пробиваться-то? Погань кругом!

– А вдруг? – еще крепче прижал к себе Лаву Литус.

– Ну, – крикнул паромщик, – даже не знаю. Я-то, прости меня Энки, думал, что все «авдруги» уже случились, но если ты говоришь... Посмотрим. А останавливайся, где хочешь. На этом берегу от пристани до замка никого не осталось. Пустые дома. Стража смотрит, чтобы ворье не шастало, а так-то. Присматривайся, коли в темноте глаз видит. Только пожара не учини.

Пожара Литус учинять не стал, а костер устроил. Провел Лаву по черным пустым улицам, на которых даже собак не было слышно, к пристани, вывел на мерзлый берег, выбил дверь в кривом сарайчике, вытащил оттуда пару свернутых сетей, расколотил старую бочку, и вскоре уже Лава сидела на мягком и тянула руки к огню. За рекой с приглушенным воем продолжала грызть кирумский камень Светлая Пустошь, но с этой стороны, казалось, не было ничего. Только круг света, тепло огня и взгляд Литуса, который вроде бы смотрел на огонь, а вроде и нет. Разве угадаешь, когда и глаза слипаются, и силы, которых еще утром было столько, что и запруда не удержит, растаяли без остатка?

Лава хотела расспросить Литуса о корабле, о том, что она будет делать в Эбabbаре, мало ли, вдруг придется скрывать свое имя, но сон уже тяжелил веки, и даже вдруг прозвучавшие слова Литуса, что посоветуется он с Амплусом – высшим магом ордена Земли, куда пристроить ему жену, не обдали ее жаром лишь потому, что показались самым сном.

Утром она проснулась от холода, но морозец щипал только за нос и щеки, все прочее оказалось прикрыто старым одеялом, под которым обнаружилось еще одно одеяло, а там и гарнаш Литуса. Сам Литус сидел возле костра, накинув на плечи сложенную в несколько слоев еще одну старую сеть, и помешивал что-то в котелке.

– Похлебки или каши не обещаю, но сладкий отвар из сушеных яблок с медом будет, – подмигнул он Лаве.

Ночь уже обратилась сумраком, который светлел минута за минутой, Лава ткнулась носом в висок Литуса, накинула ему на спину его гарнаш и спустилась к воде. Тут, у заморо-

женных, припорошенных принесенной из-за реки пылью гнилых досок и заледенелых камней никого не было. Лава разбила ногой ледяную закраину, умылась и только после этого пригляделась к противоположному берегу. Ставший уже привычным за несколько дней гул не прекратился, но как будто стал глубже, словно его источник пытался зарыться в землю. За широкой полосой черной реки кирумский берег тянулся, словно раскатанный по стеклу пласт, но сам город по-прежнему был скрыт дымом или туманом, а может быть, сумрак, обращающийся в день всюду, там зацепился за развалины.

– Зачем уничтожать камни? – спросила сама себя Лава. – Они ведь только камни. Камни, и ничего больше.

Поднявшись от воды, она сразу заметила возле костра еще одну фигуру, но прежде чем отправиться обратно, огляделась. Та часть Утиса, что примыкала к дощатой пристани, теперь и в самом деле казалась мертвой. Если и были еще жители в городе, то они пропитывались страхом в домах, тянувшихся вдоль реки за переправой, за утисским замком, на той части берега, что уже граничил с Фидентой. Если бы не гул из-за реки, здесь бы царила тишина, только ветер еще хлопал отворенными ставнями на одном из домов, да детский плач доносился откуда-то со стороны парома.

– Доброго дня почивавшим! – поднялся Джокус, когда Лава приблизилась. – Я, кстати, предлагал ночевать в замке сыну короля Эбаббара. Он отказался, и, как я понял, отказался за двоих.

Лава поклонилась принцу Фиденте, приняла из рук Литуса чашу горячего напитка и сырную лепешку и присела напротив второго сына короля Фиденте, теперь уже брата нового короля. Или брата почти короля. Или герцога?

– Когда коронация? – спросила она Джокуса, и он – вечно веселый чернявый красавчик, которому всегда все радовались, но как-то никогда не принимали всерьез, вдруг стер с лица улыбку и стал удивительно походить на своего недавно умершего отца, чего нельзя было сказать о Фалко Верти. Тот получился лицом в мать – прекрасную, но уже далеко не молодую Арому Верти.

– Или не будет коронации? – задала второй вопрос Лава. – Ведь может править и королева? Фалко и так... герцог.

– Нет уже великого Ардууса, – подал голос Литус. – Какой уж он теперь герцог? Ты пей горячее. Надо прогреть нутро, только не хватало еще заболеть.

– Да, – пробормотал Джокус. – Великого Ардууса уже нет. Думаю, это всем ясно. И не потому, что нет короля Пуруса. Кажется, сама затея была неудачной. Может быть, конечно, и ни одного атерского королевства не останется, но уж во всяком случае ясность нас не покинет. Вот он враг, вот друг, вот наш дом.

– А откуда, куда ты отправляешься, ты сможешь разглядеть свой дом? – спросила Лава.

Джокус, который поднес свою чашу к губам, замер, потом уже привычно улыбнулся, подмигнул Лаве:

– Твоего дома тоже отсюда не видно. Конечно, ты не по своей воле его покинула, так, может быть, и я не по своей воле покидаю Фиденту? Или ты думаешь, что я пытаюсь найти местечко попрохладнее перед большим пламенем?

– Нигде не будет прохладного местечка, – сказал Литус.

– Я не хотела тебя обидеть, – пожала плечами Лава. – Не обижай и ты меня, предполагая, что я могла подумать. Мне действительно интересно. Сразу хочу сказать, что и того, будто королева Арома решила сберечь свои золотые слитки, положив их в разные места, я тоже не думаю.

– Да уж, – тряхнул черными кудрями Джокус. – Слитки мы еще те... Вот Фалко вывел с Фелисом двадцать тысяч воинов из Ардууса, а корит себя, что не вывел всех. А из этих двадцати тысяч три четверти фидентцы. Знаешь, почему он не вывел остальных?

– Они не пошли, – прошептала Лава. – Туррис говорила с некоторыми из тех, что проходили мимо шатра. Она сказала, что они не пошли, а заставлять их было нельзя. Могли пропасть все.

– Не совсем так, – снова мотнул головой Джокус и даже прикрыл глаза ладонью. – Они не слышали слов Фалко. Они были околдованы Пурусом или кем-то из его слуг. С Фалко вернулись только самые стойкие. Мы пытались разобраться, у каждого или были хорошие амулеты, подаренные их невестами, матерями, или татуировки с именем Энки, или врожденная неуступчивость к магии.

– И ты боишься подобного? – спросила Лава.

– Я боюсь всего, – признался Джокус. – Как, впрочем, и каждый человек. Как ты, как Литус. Как Фалко, кстати. Но мой страх лишь живет во мне, он ни на что не влияет. Разве только добавляет мне осторожности и выдержки. Я отправляюсь в Эбббар не от страха. Я никогда не был в Барагале, а королем Фиденты может стать только паломник.

– Подожди, – не поняла Лава. – Но в Фиденте есть король! Ну, или почти король. Фалко. И королева еще жива, храни ее Энки.

– Жива, – согласился Джокус. – Но если эта война сотрет в пыль и королеву, и Фалко, должен быть кто-то, кто займет трон. И он должен быть паломником. Если война сотрет в пыль и меня, и останется кто-то из моих сестер, значит, и они должны будут посетить Барагал.

– Но в других королевствах нет такого правила, – покосилась на Литуса Лава. – Я, во всяком случае, не слышала о таком...

– Это таинство, – прошептал Литус.

– Таинство, – кивнул Джокус. – Семь лет уже как не было ни одной коронации. Ты бы и не узнала об этом. Но теперь все иначе. И поэтому, кстати, я иду один.

– Как ты доберешься до Барагала? – спросил Литус.

– Доберусь до Эбббара, а там посмотрим, – улыбнулся Джокус. – Обвязавшись сухой берестой, в костер не поведу. У меня письмо к твоему брату, Сигнуму. Мать просит, чтобы он помог мне. Не того, чтобы он отправил со мной в Барагал отряд, а чтобы дал мне службу до тех пор, пока война приблизит меня к святому холму. Не волнуйся, я помню, что ты не хотел бы, чтобы он знал о тебе. Правда, я не понимаю, почему. Все-таки он твой брат, пусть и двоюродный. Впрочем, это не мое дело. Понятно, что о Лаве мне тоже лучше не болтать. Вопрос в другом, если Син не ошибался, то сегодня здесь будет Тела? Та самая Тела, с которой, кажется, и начались все беды, навалившиеся на Анкиду. Ты не думаешь, что она расскажет Сигнуму о тебе?

Лава замерла, потом посмотрела на Литуса. Тот сидел, прикрыв глаза, перебирая пальцами так, что украшенная атерским узором чаша словно плыла у него в руках.

– Я не боюсь Сигнума, – наконец сказал Литус. – Но не хочу никаких встреч, потому что меня боится он. Или уж во всяком случае – не любит. Зачем расстраивать герцога? Пусть несет доверенный ему груз с честью. К тому же война только разгорается, зачем судиться друг с другом, если рассудить может и она?

– И тебе нечего сказать ему? – прищурился Джокус.

– Есть, – пожал плечами Литус. – И я скажу ему это, когда он будет готов услышать меня. Хотя, может быть, напишу ему письмо.

– А как же Тела? – спросил Джокус.

– Разве она сопровождает детей не в Тимор? – ответил вопросом Литус.

– Да, если Син не ошибается, – согласился Джокус. – Хотя странно все это... Кому нужны королевские дети, если гибнут королевства? Тут рядом безопасный Лапис, а дети должны сесть на какой-то корабль и углубляться в пределы Светлой Пустоши...

– Насколько я понял, корабль не простой, – проговорил Литус. – К тому же его хозяин – друг Сина, которому тот доверяет, как самому себе.

– Осталось, чтобы все это еще сбылось, – хмыкнул Джокус. – Что ж, не буду спорить, хотя то, что рассказывают беженцы... Пока что ни Телы, ни детей нет. Я знаю, что творится между Хонором и Утисом. Никакому отряду не будет просто добраться до нас. А войско Муруса идет медленно. Между тем Син говорил так, как будто взлетел в небо и рассмотрел все сверху. Однако я готов поверить любым его словам, если корабль и в самом деле прибудет. То есть проплывет через край Светлой Пустоши. Как ты говоришь, с минуты на минуту?

– Именно так, – кивнул Литус. – Я его чувствую. Не могу описать как, но чувствую. Приглядывайся к туману, что застилает русло Му западнее Кирума. Уже скоро.

Джокус хмыкнул, поднялся и направился к воде. Лава тоже встала, но, взглянув в лицо Литуса, замерла.

– Не отходи от меня, – прошептал он. – Ни на корабле, ни в Эбаббаре. Пока я не пристрою тебя в надежное место, будь рядом.

– Есть еще надежные места? – спросила Лава, глядя в лицо Литуса и удивляясь блеску его глаз.

– Более или менее, – ответил он. – Есть те, кто никогда не забывает о чести. Им я тебя и доверю.

– Разве я вещь? – спросила Лава.

– Нет, – мотнул головой Литус, как будто хотел сказать еще что-то, но стиснул зубы.

– Ты...

Она начала говорить, но ком встал в горле, и Лаве пришлось только всхлипнуть и ткнуться в плечо Литуса лбом.

– Ты должна знать, – он вздохнул. – Да, кажется, я сын акса. Но он занял трон Эбаббара не по праву. Во мне нет крови Белуа. А в Сигнуме она есть, пусть даже кровь эта и была предварительно выпита мурсом.

– Сигнум – сын мурса? – прошептала Лава.

– Сын двух мурсов, – ответил Литус. – Точнее, сын двух человек, чьи тела были захвачены мурсами. То есть брат настоящего короля Эбаббара и не подозревал, что его телом воспользуются, чтобы зачать маленького Сигнума.

– Выходит, и Субула Белуа... – зажала рот ладонью Лава.

– Тоже не имеет в жилах ни капли их крови, – кивнул Литус. – Только не говори ей об этом, если встретишься случайно. Она не поймет, и уж во всяком случае не обрадуется. Конечно, если отец не поведал ей обо всем, они были довольно близки. Но она тоже дочь акса и женщины, чье тело было захвачено мурсом.

– И... – прошептала Лава.

– И я сын акса и женщины, чье тело было захвачено мурсом, – продолжил Литус. – Другой женщины. И у нас троих есть нечто общее. Наши матери владели этими телами очень долго. Так долго, что... Что тот же Син так и не смог описать мне, как это во всех нас отзовется. Кстати, именно мать принесла с собой ту мантию, что спасла тебя в Самсуме. И тот меч, что обвивает мне пояс.

– Спасибо ей, – прошептала Лава.

– Буду в Барагале, передам ей твое спасибо, может быть, – произнес непонятное Литус и оживился: – А вот и корабль.

Он выплыл из серого тумана так, словно и сам был пластом тумана. Белым облаком, неведомо как свалившимся с неба и не рассеявшимся на испоганенной земле. Хотя, вряд ли. Небо тоже было серым. А корабль, который с каждым мгновением становился больше, действительно сиял белым цветом, хотя и на его корпусе, и на мачтах, и на парусах, и на веслах, и на всех канатах висели черными кляксами то ли клочья паутины, то ли спутанные волосы. И когда корабль приблизился к берегу, Лава вдруг поняла, что все моряки, стоящие на борту,

черны лицом. И широкоплечий здоровяк, почесывающий затылок на носу корабля, тоже был черен. Именно он крикнул через головы подошедших к воде Литуса, Джокуса и Лавы:

– Народцу, я смотрю, собралось изрядно, но возьмем всех. Только уж пристраивайте лошадей, с ними никак.

– Лошадей заберут стражники Утиса, – послышался в ответ знакомый голос. – Сейчас придут, Фелис пообещал прислать.

Лава обернулась. К берегу подъезжали не менее полутора десятка всадников, и почти перед каждым сидел ребенок. Но самым удивительным было не то, что и всадники, и дети были одеты в доспехи, пусть и из кожи, и легкие. И не то, что ноги лошадей были замотаны тряпьем. И не то, что часть всадников была, судя по повязкам, ранена. А то, что все они были женщинами, даже девушками, исключая разве только злосчастную Телу и ее сестру – Бету.

– Мы раньше добрались, – прыгнула на мерзлую землю Тела, придерживая сидящую на холке коня светловолосую девчушку. – Не скажу, что спешили, но гнали нас точно. К счастью, не потеряли никого, но кое-кто ранен. Ордынцы попадают на тиренских пустошах.

– Что смотришь? – подмигнула Тела Джокусу и потеряла перемотанное под жилетом тряпьем плечо. – Не видел раненую женщину? Увидишь еще много и скоро. А я вижу перед собой... – Она прищурилась: – Лаву Арундо, Литуса Тацита и Джокуса Верти. Не самая плохая компания. К вашим услугам, Тела Рудус. Со мной сестра Бета Краниум и двенадцать девушек помладше. Из Араманы, Аштарака, Раппу, Бабу и Хонора. Ну, и одиннадцать детей.

Лава стояла, оцепенев. Ненависть, которая схватила ее за горло при звуках голоса Телы, теперь стояла в груди колом. Но не потому, что она жаждала смерти виновницы гибели изрядного числа родных Лавы. Она стояла и смотрела на тех, кого еще лет пять назад видела только смеющимися и счастливыми. Теперь перед ней стояли строгие, уверенные в себе женщины, от каждого жеста которых исходила сила. И объяснением тому были маленькие дети.

– Лацерта, Ювента, Ламелла, Папилия, – бормотала Лава знакомые имена. – Долора, Вектура, Вивера, Вена, Ласкивия, Табула, Ноксия, Депенсия...

– Как вы делили детей? – спросил Литус. – Вас четырнадцать, а детей одиннадцать?

– Бросали жребий, – усмехнулась Тела. – Конечно, собственные дети не разыгрывались, но у некоторых их по двое. Кстати, вон твои племянники – Бонус и Каламус. Вот они были нарасхват. Богатыри! Своих-то еще не завел в долгих странствиях?

– Собираюсь, – ответил Литус Теле, заставив Лаву стиснуть зубы, и обернулся к кораблю: – Как тебя зовут добрый человек с черным лицом?

– Моллис, – расплылся в улыбке великан. – У нас все с черными лицами, кроме одного доброго малого, что как раз теперь тянет улыбку на капитанском мостике. Его кличут Шупой. А еще одного – моего помощника, который как раз теперь сверкает зубами на корме, зовут Шиару. Остальные ребята сейчас помогут вам погрузиться, правда...

Великан почесал затылок.

– Что тебя не устраивает? – крикнула Тела.

– Все, – признался великан. – Но больше всего эта погань над головой и по берегам. Впрочем, еще увидите. Давненько я не возил женщин и детей, ну да ладно. Добро пожаловать на борт. Не медлите!

Глава шестая. Корча

Деревни стояли пустыми. Снег постепенно заносил все, селения не казались брошенными, но ни между домами, ни между овинами и навесами для сена не было ни одной стежки, ни одного следа. Ни из одной трубы не поднимался даже слабый дымок. Люди исчезли, угнали скот, не забыли даже собак и кошек, закрыли двери, ставни и не оставили следов. Хорошо еще, что снег заносил и следы отряда, в котором, под началом молодого герцога Эксилиса Хоспеса, закутавшись в кирумские плащи, двигались Игнис, Брита, Бибера и значительная часть молодого поколения королевского дома Утиса – Аментия, Фестинус и Серва. Двигались теперь днем. Куда-то пропали и порождения Светлой Пустоши, за три дня пути на север не встретилось ни одной. И даже небо, казалось, не сулило опасности. Низкие серые облака не исторгали ничего, кроме снега. Будто бы таяла и гнусь за спиной. Что-то гнетущее оставалось только на западе, в стороне Барагала, но там ничего нельзя было рассмотреть, горизонт тонул в снежной круговерти. Игнис смотрел по сторонам и не мог поверить, что он потратил со спутницами почти две недели, чтобы пробиться к югу через черную равнину, и вот равнина побелела и стала свободной. И только Аментия с каждым днем становилась мрачнее и мрачнее, как будто отряд шел не по оставленной людьми равнине, а по усыпанному трупами полю брани. И ночевки в покинутых людьми избах, в которых зачастую даже пища в горшках не успела покрыться плесенью, только добавляли ей беспокойства.

– Не знаю, – мотала Аментия головой, – люди ушли. Случилось что-то. Что-то похожее на белый мор, но нет ни трупов, ни останков. Я бы почувствовала. Что-то новое. И еще более страшное.

Туррис то и дело прикладывала пальцы к вискам, но тоже ничего сказать не могла.

Утром четвертого дня на востоке сначала показался шпиль цитадели Ардууса, а затем и стены. Отряд держался в стороне от большой дороги, благо снег не успел навалить выше колена, но один из ветеранов-кирумцев заметил, что если морозец ночью ударит, придется выходить на тракт, иначе лошади порежут ноги о наст.

– Как бы на тракте не оказалось то же самое. Если он также завален снегом, то какая разница, где держать путь? – задумался Эксилис и посмотрел на Игниса. Молодой герцог Кирума часто посматривал на наследника лаписской короны, как будто искал совета у принца, но никакого совета Игнис дать не мог. Все, что он понимал, так это то, что движется на север, туда, где осталась его жена и маленькая девочка Ува. Конечно, если они все еще там. О том, что Алиус Алитер погиб, он уже знал, и тревога переполняла его. Что касается пожелания Сина, чтобы один из камней был на севере, то об этом Игнис думал меньше всего, враг был со всех сторон, и где бы принц ни оказался, судьба не сулила ему ни надежного укрытия, ни спокойствия. И при всем этом он отчетливо понимал, что рано или поздно окажется у Барагала, и именно туда притягивался его взгляд. Однако Бибера смотрела в другую сторону. Вскочив ногами на седло, она вглядывалась в сторону Ардууса:

– Ни одного стражника на стенах, – покачала она головой с той же тревогой, которая звучала в любом разговоре на этом пути. – И на цитадели. И факелы не горят. На углах главной цитадели при Пурусе даже днем горели четыре факела. Не могу поверить, что императором стал Зелус. Вот уж с кем я не ладила никогда, даже с Церритусом можно было разговаривать.

– Я не могу поверить, что ты что-то видишь на таком расстоянии! – удивился Аменс. – Отсюда до стен почти пять лиг!

– У нашей подруги много талантов, – натянуто улыбнулась Брита. – Однако ее зоркость вселяет в меня тревогу. Если она способна что-то разглядеть на таком расстоянии, значит, и кто-то может увидеть нас. К тому же...

Брита раздраженно сплюнула.

– Говори, – обернулся Эксилис. – До Бэдгалдингира еще день-два пути, а тебя корчит так, как будто впереди тысячи лиг. Что случилось?

– Прошло три дня, как я узнала, что мои родители убиты, – прошептала Брита.

Игнис обернулся. Отряд остановился среди низины, лошади терялись в кустах ольхи, разглядеть их было непросто. К тому же после ночевки кирумцы успели пройти уже больше десяти лиг, причин для беспокойств вроде бы не было, но ощутимая опасность накатывала со стороны как будто безжизненного Ардууса. Эксилис кивнул сотнику и подал лошадь вперед. Не следовало болтать в общем строю.

– Там что-то непонятное, – пробормотала Монс, поглаживая вырезанный из ветви горного можжевельника колышек. – Словно гудит что-то. Неслышно. Но внутри все дрожит от этого гудения. И что-то стучит.

– Сердце твое стучит, – с улыбкой предположил Эксилис.

– Большое сердце, – прошептала Монс. – Как вся Анкида. Бьется. Уже несколько дней.

– Магия? – повернулся Игнис к Туррис, которая согнулась в седле, закрыв глаза и приложив ладони к вискам.

– Да, – вместо нее весело отозвался Аменс. – Тягучая, как сосновая смола, и сладкая, как мед. Если лизнешь, уже не освободишься.

– Кто же тебя просит лизать? – процедила сквозь зубы Туррис.

– А кто меня будет спрашивать? – ухмыльнулся Аменс. – Не захочешь лизать, она сама тебя лизнет. Так приголубит, что и вздохнуть не успеешь. Хотя мне-то бояться нечего. Я, конечно, не так прыток, как ваша красотка, на которую ничего не действует, но привороты меня тоже не бьют. Да и амулетов у меня под это дело предостаточно. К тому же, – Аменс хвастливо взъерошил начинающие сесть волосы, – никто лучше меня не снимает привороты! Неплохую монетку я на этом деле имел в Турше. И не только на этом, есть всякая нужда у обычных людей. Всегда есть. И они мне платили. Но все только добровольно, не вымогал никогда! Эх, жаль не время для прогулок, поглядел бы я на Ардуус изнутри! Всю жизнь мечтал, и с Сином бродил довольно, а в Ардуус забрести так и не удалось.

– Провожатый не нужен? – обернулась и уперлась взглядом в тирсена Брита.

– Ты сейчас о чем спрашиваешь? – забеспокоился Аменс, захлопал глазами, стряхнул снег с плеч.

– Хочешь посмотреть Ардуус? – повторила вопрос Брита.

– Хочу, конечно, – скривил губы Аменс. – Только ведь ярлыка у меня нужного нет. Да и что тебе в Ардуусе?

– Есть у меня дело, – прикрыла глаза Брита. – Фестинус? Сколько было учениц у моей матери? Только ты приходил брать у нее уроки со стороны. Ты все замечаешь, я знаю. Считал?

Фестинус, который вместе с Аментией и Севрой держался за спиной Туррис, подал лошадь вперед, перевел взгляд с Игниса на Эксилиса, пожал плечами и неохотно ответил:

– Твоя матушка, Брита, и твой отец брали с меня слово, что никто не узнает об этих девчонках.

– Син сказал, что они мертвы, – произнесла Брита. – И мать, и отец. А я разрешаю тебе говорить.

– Хорошо, – сдвинул брови Фестинус. – Их было сначала пятьдесят одна. В последние два года – пятьдесят. Ну и мы с тобой.

– А сколько получилось из них хороших воинов? – спросила Брита.

– Они все были хороши, – пожал он плечами. – Из дружин Фиденты и Утиса с любой из этих девчонок мог бы сравниться только Фелис Адорири.

– Он осилил бы всех, – кивнула Брита. – Со мной и с тобой сражался бы на равных, с моей матерью не сладил бы, а с двумя из ее подопечных надеялся бы на удачу.

– Точно так, – согласился Фестинус. – Ярри и Тианта никому не были по зубам, кроме твоей матери. Тианта, правда, два года назад исчезла, но мне всегда казалось, что словно демон какой обитал в обеих.

– Может, и демон, – кивнула Брита. – А теперь подумай, Фестинус, если моя мать убита, кто это сделал?

– Кто угодно! – воскликнул Игнис.

– Вот это я и проверю, – кивнула Брита. – Сделать мог кто угодно, но убить в схватке только... К тому же среди оставшихся девчонок было немало добрых душ, я бы поговорила с некоторыми из них. Мать с отцом отвели в Ардуус всех. Пурус заказывал личную охрану, кучу монет отвалил отцу, чтобы тот готовил ее. Несколько лет тяжелого труда были оплачены этими деньгами. Отец чуть ли не по четверти года проводил на рабовладельческих рынках Тира и Самсума. Покупал девчонок-сирот, из которых мог выйти толк. Мать помогала ему. Потом выколачивал из бывших рабынь слабость в залах того самого замка. Ну, вот Игнис бывал там... И что же получается, отец заработал за эти годы только смерть?

– Ты собираешься в пасть к зверю, – заметила Туррис, не открывая глаз.

– Да? – удивилась Брита. – Я дочь своих родителей. У меня есть ярлык, на котором печать великого Ардууса. Со мной может быть один слуга. И у меня есть причина оказаться в Ардуусе. Может быть, я хочу быть представленной новому правителю?

– И он сотрет тебя в порошок, – закатила глаза Аментия.

– Значит, останусь непредставленной, – пообещала Брита.

– Я готов пойти с тобой, – решительно заявил Фестинус. – Всему, что я умею, меня научила твоя мать.

– Спасибо, – поклонилась Брита, – но ты в ответе за Серву и за Аментию. К тому же половина вельмож Ардууса знает тебя в лицо. Из тебя плохой слуга, Фестинус.

– Из меня, выходит, хороший? – пробормотал Аменс и обернулся к Туррис.

– А что ты на меня смотришь? – наконец оторвала она пальцы от висков. – Тебе решать. Я остаюсь с Игнисом. Син сказал мне, что я должна разыскать девочку с камнем. Постараться, во всяком случае, сделать это. Если с ней Хубар – то моя защита и в подметки ему не годится, но именно он-то и сам будет целью для того, что клубится за этими стенами. Так что... К тому же мне кажется, что за стенами Бэдгалдингира дела не лучше. Здесь пока хотя бы нет запаха крови.

– А в Бэдгалдингире? – прошептала Бибера.

– Дойдем и узнаем, – ответила Туррис. – Я слушала сэнмурвов. И мне кажется, что они как раз теперь пируют в Бэдгалдингире.

– Пируют? – побледнела Бибера.

– А ты чего хотела? – удивилась Туррис. – Эрсет штурмует Алку, герцог Импиус Хоспес погиб. Где смерть, там и сэнмурвы.

– Тогда что они делали четыре дня назад над нашими головами?! – воскликнул Игнис.

– Приглядывались к равнине, – пожалла плечами Туррис. – Может быть, они как-то связаны с исчезновением людей?

– Унесли их? – нахмурился Игнис, но ответа не дождался. Туррис лишь пожалла плечами.

– Думаю, нам нужно поспешить, – покосился на башни Ардууса Эксилис. – Хочется отдалиться от этого города как можно быстрее.

– Ну так что? – посмотрела на угодника Брита.

– Я не люблю сэнмурвов, – обеспокоился Аменс.

– Через четыре лиги у деревеньки будем пересекать тракт, – сказала Брита. – Думай, Аменс. Я буду рада, если ты пойдешь со мной. Насильно я никого не поташу. Да и некого тащить.

– Что скажешь? – заставил коня идти рядом с лошадыю Туррис Игнис.

– Ты думаешь, что я распоряжаюсь отрядом? – удивилась угодница. – Или сэнмурвы не выходят у тебя из головы?

– На Аменса, как мне кажется, влияешь ты, – посмотрел на угодника, который приотстал в задумчивости, Игнис. – Но я не о нем и не о сэнмурвах. Я не так много умею, как мне хотелось бы, не так много знаю, порой мою жизнь облегчал мудрый человек, который оказывался рядом. И вот мне кажется, что теперь за мудрым советом обращаться нужно как раз к тебе.

– Смотри, как получается, – проговорила Туррис. – А я вот столько дней была рядом с твоей сестрой, и мне, несмотря на всю мою мудрость, все время хотелось спрашивать совета у нее. Не странно ли? Не ищи мудрости у женщины, можешь ее обидеть. Всякая женщина хочет, чтобы в ней видели прежде всего женщину. И молчи. Не говори ничего, я и сама знаю, чего я стою.

Игнис, который только что хотел заверить Туррис в собственном восхищении, тем более что она и в самом деле была красива и даже напомнила принцу уже давние притягательные зрелость и силу Телы, прикусил язык. Говорить не следовало ничего. Впрочем, спросить можно было.

– Подскажи, – попросил он, – что нам делать? Мы идем вместе с Эксилисом, помогут нам боги, спасем его родных, окажемся в Тиморе. А дальше?

– Никто не достает мед со дна кадушки, – ответила Туррис. – Черпают сверху. Иначе или мед испортишь, или черпак сломаешь. Посмотрим, что творится в Бэдгалдингире. А там уж... Эксилис! – окликнула герцога Туррис, пришпоривая лошадь. – Ваше Высочество! Уж простите мне столь вольное обращение, сегодня как раз середина зимы. Штурм Алки, как я поняла, начался две недели назад. Алка – родовой замок герцогов Хоспес. Полторы тысячи лет назад на его стены обрушился Лучезарный. Как долго крепость продержалась тогда?

– Три недели, – ответил Эксилис и кивнул Монс, смотревшей на него с тревогой. – Не волнуйся, мы должны успеть. Бэдгалдингир обречен, но он не будет легкой добычей, время у нас есть. Все сладим, потом выйдем на равнину, переправимся через Азу и отправим детей Импиуса вместе с тобой в Рапес или Монтанус. Успеем. Полторы тысячи лет назад Лучезарный прошел Бэдгалдингир за две недели. Еще пять стен перегораживают долину. И это не считая восточной стены в самой столице. Конечно, они ниже, но... Кстати, когда-то две недели Лучезарный потерял на главной стене. В Бэдгалдингире. У нас почти месяц.

– Детей отправим, – кивнула Монс. – Я не поеду. Останусь с собой.

– Поговорим еще, – поморщился Эксилис и снова повернулся к Туррис: – Время у нас еще есть. Но я бы поспешил.

– Точно так, – придержала лошадь Туррис и снова посмотрела на Игниса. – Время у нас еще есть. Найдем детей герцога или узнаем, что они уже спасены, посмотрим, что происходит в Бэдгалдингире, а потом уж само все сложится. И я помню все, что сказал Син; и о твоей жене, и об Алиусе Алитере, освети Энки ему его посмертие, достойнейший был угодник, и о его дочери. Все помню. Знаешь, что всегда мне говорил Син?

– Не торопись? – попробовал угадать Игнис.

– Старайся, – улыбнулась Туррис. – Чтобы не досадовать на самого себя. И только.

Ощущение незнакомой беды накатило еще за половину лиги до деревушки в пять домов, что лежала у тракта, ведущего от Ардууса на запад. Точно так же белели крыши и плетни вокруг домов, так же не были найдены тропки, но в самой деревне эта беда уже стучала в висках. В стоявшем чуть поодаль придорожном трактире была распахнута дверь. Над трубой вился дымок.

– Стражников нет, – обернулся Эксилис. – Что будем делать?

Игнис оглянулся. Снег продолжал идти, занося следы отряда. Проселок пересекал тракт и уходил в низкорослый березняк. Чуть дальше начинался ельник.

– Зайдем? – предложил принц. – Мы ведь из Кирума? Так ведь? С новым императором, кто бы он ни был, пока не воюем, полюбопытствуем хотя бы, чем потчуют в этом трактире? Кто-нибудь был в этом заведении?

– Эй? – обернулся к отряду Эксилис. – Воины! Кто-то заглядывал в это заведение в последние год-два?

– Я, – подал коня вперед седоусый калам. – В том году ходил с обозом рыбы в Алку. Обычный трактир, деревенскаястряпня. Хозяйка – переселенка из Даккиты. Баба с клыками, при ней двое детишек. Один, правда, ростом с меня, парень, а другой мелкий, лет восемь, не больше того. Но оба уже без клыков, у дакитов всегда так, если по обычной людской линии идет. А вот мужа вроде бы и нет.

– Не нужно заходить, – прошептала Аментия. – Впрочем, я бы зашла...

– Я посмотрю, – сказала Брита. – Чувствую, что-то тут не так. К тому же и у меня мать с клыками... была. Но если тут то, что я думаю, впрочем, ладно... Вряд ли. Не может такого быть... Да и разойдемся мы на этом перекрестке, я в Ардуус, а вам в Бэдгалдингир.

– Была беда, – вдруг подала голос Туррис. – Была и рассеялась. А не беда ушла... Ты разве не чувствуешь, Аменс? Осмотрим трактир и двинемся дальше.

– Чувствую, не чувствую, – надул губы угодник. – Кто меня спрашивает? А была бы опасность, сам бы сказал.

– Опасность есть, – покачал головой Игнис.

Что-то не давало ему покоя.

– Колдовство есть, – раздраженно бросил Аменс. – Выхолощенное колдовство. А опасности нет. В доме нет. Снаружи пакость какая-то мотается. А внутри пусто. Непонятное что-то, или мертвое или чуть живое. Мало ли что там тлеет в печи? Я это колдовство бы... Вот ты что скажешь? – он повернулся к Бибере.

– Там что-то было, – пожалала она плечами. – Теперь разглядеть не могу. Что-то чужое. Но еще действует. Словно смола. Оно сродни тому, что там, – Бибера показала в сторону Ардууса.

– Другое, – подала голос Аментия. – Похожее, но другое.

– А вот сейчас и посмотрим, – буркнула Брита, потому что отряд уже остановился, сгрудился напротив трактира. – Вы бы пореже встали, мало ли...

– А ну-ка! – рявкнул сотник. – Растянуться цепью! Готовь луки... у кого они есть.

Игнис, вслед за Биберой, прыгнул с лошади, пригляделся. Так же, как все вокруг, снег засыпал и трактир, но замести темный проем снег не успел, и как будто на ступенях не успел толком прикрыть чьи-то следы. Или кто-то сметал снег? Чистил ступени, скалывал лед? Странно... Впрочем, следы были не только на крыльце. То ли штрихами, то ли вмятинами был посечен снег на крыше, но и эти отметины едва различались.

– Сэнмурвы садились на крышу? – предположила Туррис. – Я могла бы предположить крупную птицу, того же глухаря, но не слышала, чтобы он выбирался из чащи на крышу трактира. Да и нет поблизости чащи. Ельник к северу так, перелесок.

– Внутри живого нет, – сказала Аментия. – Опасность есть, есть отблеск живого, но живого нет. Живой – ушел. Паутина. Всюду паутина. Она порвана. Но еще может жечь. Странно. Я не слышала о такой магии. Что-то новое...

– Паутина? – остановилась на полпути к трактиру Брита. – Что еще за паутина?

– Хочешь ее посмотреть? – удивилась Аментия.

– А ты можешь показать? – нахмурилась воительница.

– Я и так вижу, – подала голос Бибера.

– Но не ты идешь в трактир, – заметила Аментия и щелкнула пальцами.

Вид трактира изменился мгновенно. И здание осталось на месте, и снег, припорошивший его крыльцо, свисающий пластами и сосульками со скатов крыши, тоже, но теперь все это

покрывала странная, отвратительная сеть, как будто сплетенная из толстых, в палец узловатых белесых побегов или сухожилий. Кто-то неведомый как будто укутал трактир, покрыл его невидимой мерзостью, желая либо оградить заведение от ненужных гостей, либо препятствуя их выходу. Но ни того, ни другого хозяину сетей не удалось. Нити напротив входа были разорваны и посечены. Кто-то явно вошел в трактир или вышел из него, намотав на себя изрядную часть чужого колдовства.

– Однако, – пробормотала Брита, – о таком даже я не слышала. Но это точно она. Запах. Вы чувствуете?

– Жженым орехом? – нахмурился Игнис. – Ну, мало ли... Может, хозяйка пирожки пекла с ореховой мукой? Да и не чувствуется уже...

– Нет, – покачала головой Брита. – Верный признак, чуть различимый запах жженого ореха. Поэтому его забивают иногда. Вон какую-нибудь устраивают. Но это не здесь. Причем, если магию не чувствуешь вовсе, и не заметишь. А если чувствуешь хорошо, как это умеют Аментия, Туррис или Бибера, не почувствуешь тоже. Потому чувствовать не нужно, и так все на виду. Нет запаха на самом деле, обманка. Но и она сдувается за секунды. Приноживаешься только. Долго так сможешь держать?

– Само держится, – откликнулась Аментия. – Паутина порвана, паучиха мертва или почти мертва, но яда в паутине еще достаточно. Я лишь обернула часть яда на свет, и все.

– Ну и ладно, – кивнула Брита и посмотрела на подошедших Игниса, Аменса, словно не рассталась еще с сомнениями. – Пошли. Но осторожно. Это такая пакость...

Они смогли пройти всего с десятков шагов. Брита уже почти подошла к крыльцу, когда с крыши сполз пласт снега и обрушился в шаге за ее спиной. Он никого не зацепил, да и снега там было, кадушку не набьешь, но вместе с ним слетела одна из прядей паутины и легла на плечо воительницы. Брита замерла мгновенно, изогнулась от боли, захрипела, пытаясь освободиться, но стала как будто стекленеть, каменеть на глазах, когда вдруг Аменс, опережая Игниса, шагнул вперед, взмахнул руками, и паутина исчезла вовсе. Дом очистился.

– Как ты это сделал? – в восхищении выдохнула Аментия, но тут же осеклась и, верно, онемела где-то там, за спиной Игниса, потому что онемел и он. Аменс обернулся, и Игнис увидел посиневшее, распухшее лицо человека, который пил беспробудно месяц и не раз засыпал, уткнувшись носом в снег.

– Он сожрал паутину, – подала голос Туррис. – Взял яд в себя. Вот такое есть свойство, такая способность у веселого угодника Аменса из Тирены. Любой магический яд может сожрать, впустить в себя. Но яд есть яд. Для Аменса он словно хмель. Нежеланный, который однажды может убить его.

– Я бы хотела научиться этому, – прошептала Аментия.

– Спасибо тебе, – с трудом выпрямилась Брита. – Думала, кончусь на этих ступенях. Спасибо тебе, Аменс, – она расправила плечи, взмахнула руками, подпрыгнула. – Дальше мы сами. Отдыхай, друг.

Аменс качнулся, с недоумением хлопнул почерневшими веками, потом мотнул головой и шагнул к крыльцу.

– Стой! – закричала Брита, когда вторая ступень шелкнула под ногами угодника. Она метнулась вперед и сбила Аменса с ног за секунду до того, как тяжелая, снаряженная косами и серпами колода вылетела из дверного проема и, взлетев к косяку, откачнулась назад и задрожала на высоте груди.

– Жива? – метнулась вперед Бибера.

– Жива, – поморщилась Брита, потирая колени. – Ты посмотри на этого тирсена. Спит!

Аменс, только что приложившийся о заледенелые ступени лбом, устало сопел. Колода, сверкая железом, качалась в дверном проеме.

– Хитрая ловушка, – заметил Эксилис. – Против кого она поставлена?

– Против нежеланных гостей, – буркнула Брита.

– Или тех, кто может выйти из дома, – заметила Туррис, присев у крыльца. – Во всяком случае, взводилось это устройство снаружи. Конец веревки, что подтягивал груз, под нижней ступенью.

– Пошли, – сказал Игнис. – Теперь я не чувствую опасности. Почти не чувствую.

В довольно большом зале, что скрывался за второй дверью, было сумрачно. Выскобленные столы, сваленные в углу скамьи говорили о том, что посетители трактир не жаловали. В устроенной в его центре печи с большой плитой что-то едва тлело, но издавало запах не жженого ореха, а паленой живой плоти и горелой кости.

– Ребенок, – прошептала наклонившаяся над печным зевом Туррис. – Лет восемь, десять. Груда костей, но кисть руки сгорела не до конца. Часов пять назад заброшен.

– Наверное, младший сын хозяйки, – произнес Эксилис от входа. – Его мать или старший брат и порвали паутину.

– И должны были сдохнуть! – воскликнула Брита.

– Не сдохли, – ответил Эксилис. – След уходит за дом, потом к проселку и ведет на север. Сотник только что вернулся. Если их было трое, то кто-то еще должен быть здесь.

– Вон там, – протянула руку из-за плеча Эксилиса Аментия. – То ли мертвое, то ли живое. У дальней стены. Накрыто одеялом.

– Нет, – протянула руку навстречу Игнису Брита. – Я сама. Или ты хочешь, чтобы я пошла в Ардуус без уверенности в собственных силах?

Она плавно, одним движением вытащила из ножен меч, сделала шаг вперед.

– Темновато тут!

– Сейчас, – зашевелилась у дверей Аментия, и светильники, стоявшие у печи, висевшие на двух крюках по сторонам от нее, замерцали.

– Масло плохое в плашках, – извинилась Аментия.

– Пойдет, – прошептала Брита, подцепила концом клинка одеяло, сбросила его в сторону и обреченно вымолвила: – оно...

Игнис шагнул вперед и замер. На полу лежало чудовище. Вряд ли оно было много крупнее, чем человек, но казалось воплощением ужаса. И самым страшным было то, что в сплетении суставов, покрытых жестким волосом сочленений, длинных, в ладонь смертоносных когтей имелось и наполовину человеческое лицо. Над оскаленной множеством клыков пастью светились зеленоватым огнем человеческие глаза. Блестела, покрытая потом, человеческая переносица, высокий лоб, смуглые волосы.

– Оно живое! – с отвращением выдохнул Эксилис.

– Да, – кивнула Брита. – Но, кажется, уже не слишком опасное. Посмотри, почти все конечности отрублены и свалены сверху. Само существо пригвождено к полу вилами. Чуть ниже горла рукоять у вил обгрызена, но цела. Вот эти две клешни отрублены уже после схватки. Вот топор, так и торчит в полу. А эти удары нанесены мечом. Однако я хотела бы посмотреть на этого смельчака. Сражался с воплощенным ужасом, почти убил его, почему-то не прикончил, ушел, разорвал паутину и остался жив. Следов его крови не вижу. Только зеленая слизь вокруг та же, что и под чудовищем.

Игнис оглянулся. Лишь теперь он понял, что все – столы, лавки, стены – вымазано в той же дряни, что скопилась под телом чудовища.

– А если он такой же? – спросил Игнис.

– Нет, – подал голос Эксилис. – Следы человеческие. Отпечатки обычных сапог. Всего две ноги. Две! Что это такое, Брита? Что за погань?

– Это плохие вести, – улыбнулась Брита и посмотрела на Игниса. – Выдернешь вилы? Эту тварь можно или сжечь, или убить, отрубив голову. Думаю, что сжигать трактир нам не стоит, огонь привлечет внимание стражей Ардууса. А вот голову...

– Ты уверена? – спросил Игнис, берясь за рукоять вил.

– Как никогда, – бросила воительница. – Не бойся, почти все, чем можно было нанести раны, у нее отрублено.

– У нее? – удивился Игнис. – Ты уверена?

– Давай же! – прошипела Брита.

Чудовище с шипением вскочило на две уцелевших конечности в тот же миг, как Игнис выдернул из туши вилы, но удар Бриты был точен, и огни в глазах на покотившейся в угол голове погасли. Эксилис, согнувшись от приступа рвоты, шагнул в угол, из-за спины Аментии и стоявшего рядом с ним Фестинуса показалось чуть удивленное, с распухшим носом, но уже бодрое лицо Аменса:

– Что тут у вас стряслось-то?

– Это корча, – сказала Брита, уже запрыгнув на лошадь, чтобы следовать в Ардуус. – Я встретила с нею впервые, так же как вы. Но моя мать родом из Дакки – дакитка. Мой дед даку. Я не знаю, что случилось с этими деревнями, куда делись люди, но вот это корча. И если она случилась здесь, она может случиться где угодно.

– Невелика беда, с учетом всей остальной беды, – недовольно заметил герцог.

– Невелика, – согласилась Брита. – Но ощутима. Это древняя магия, не магия Лучезарного. Ты должен знать, принц, – посмотрела она на Игниса. – Только эта магия не о деревьях, а о зверях. Мать рассказывала о преданиях даку, что не все из них подчинились Лучезарному. И вот тех, кто не подчинился, он обращал в зверей. Черпал что-то прямо из земли. Не свое. Мог превратить в волка, в рысь, в кабана. В кого хочешь. Но то, что выходило, было воплощенным ужасом. Правда, я ничего не слышала о пауках... К тому же это действует только на даку, дакитов и их потомков.

– Тогда почему не обратился в эту... корчу сын трактирщицы? – спросила Бибера.

– Есть какая-то защита, – пожал плечами Брита. – Каждый род даку искал, как защитить себя. Но пока не накроет вот такая напасть, не узнаешь. Кстати, моя защита действует. На плече только ожог, а вот это, – она засучила рукав и показала опоясывающую руку спиралью багровую татуировку, – саднило так, что... Но уже проходит.

– Ты точно не этот... – напрягся Игнис.

– Мне нужно в Ардуус, так что мы скоро расстанемся, – улыбнулась Брита. – Но не волнуйся, принц, это не единственная моя защита, и прочие в порядке.

– Как эта напасть распространяется? – спросила Аментия.

– Мурсы разносят ее, – ответила Брита. – Но не все это могут. Один или два. Из самых сильных. И это большая редкость. Слабый не выдержит корчи. Сильный – может защититься. Поэтому нужен сильный с изъяном. Ничего не знаю о твоих изъянах, но будь осторожнее, Игнис. В тебе есть кровь дакитов. Создавая даку, Лучезарный смешивал человеческое и звериное. Я не знаю, сладил ли он с древними богами или обманул их, но... вы видели. Прощайте, разберусь с тем, что происходит в Ардуусе, буду искать вас на севере.

– Подожди, – выехал на лошади из-за спин друзей Аменс. – Я с тобой.

– Что это вдруг? – удивилась Брита.

– А почему нет, – вдруг подбоченился Аменс. – Надо когда-нибудь и в столицу попасть. Да и вообще. К примеру, ты не замужем, я не женат. А вдруг?

– Обязательно, – твердо пообещала Брита. – Если убьешь эту новую пакость в Ардуусе и останешься жив. Тогда я твоя.

Глава седьмая. Фидента

Кама и Орс в сопровождении полусотни кирумских воинов отправились в путь вечером того же дня, в течение которого состоялся странный совет с исчезновением Сина, и шатер у переправы обратился в зловонное болото. Переправляться на правый берег Малиту, на лаписский тракт, Кама не стала. Сразу после полудня на берег примчался брат покойного короля Фиденты – Фортис с двумя дочерьми – черноволосыми красавицами Домитой и Нубис – и сообщил, что с отрядом Камы в Лапис отправятся матери с детьми.

– Детей вижу, – поклонилась одетому в черное Фортису Кама. – А где их мать? Где Эссентия Рудус?

– Эссентия Адорири, – поправил с поклоном Каму Фортис. – Она занимается постройкой рва между Му и Малиту. Если богам будет угодно, ты встретишься с ней через несколько дней. Но идти нужно по левому берегу Малиту. На нем полно разъездов и лучников. А еще лучше – по тракту. Правый берег – пустынен. А над горами замечали сэнмурвов. Поэтому я пришлю тебе еще десяток лучников. Что касается моих дочерей, – Фортис оглянулся на девушек с гордостью, – они помогут с детьми. Чтобы у тебя не прибавилось хлопот. Все твои спутники будут на лошадях, принцесса, и ты не очень замедлишься. Я отправил гонцов, в деревнях и на постоянных дворах вас будет ждать кров и пища.

Фортис развернул коня, но, прежде чем умчаться в сторону замка, добавил:

– И не думай, что я прячу в Лаписе только вельможных деток. Да, беженцы оседают уже лишь в Фиденте, но в последний месяц Дивинус принял в Лаписе больше десяти тысяч матерей с детьми. Передай ему мой низкий поклон, принцесса!

Прибавление к отряду явилось перед самым выходом, когда опять повалил снег. Кама поморщилась, разглядев среди знакомых и незнакомых лиц злые глаза Боны Краниум, но затем улыбнулась и удержала на лице улыбку даже тогда, когда Бона подъехала почти вплотную и прошипела, показав на сидящую на серой кобыле девушку со свертком в руках:

– На руках у кормилицы моего ребенка наследный принц Бабу!

– Я поняла, – улыбнулась еще ярче Кама. – Если возникнет опасность, например, нападут сэнмурвы, или гахи перепрыгнут через реку, я прикрою наследного принца Бабу собственным телом.

– Не раздави, когда будешь прикрывать, – процедила сквозь зубы Бона и подала коня прочь, оставив Каму размышлять, куда же делась хонорская принцесса-хохотушка? Ведь первая вдова королевского дома Бабу получилась именно из нее.

– Отправляемся! – повысила голос Кама, нашла взглядом старшину десятка фидентских лучников, кивнула ему и продолжила: – Впереди вот эти бравые молодцы, за ними все женщины, замыкают отряд воины из Кирума. До крепости Ос чуть больше двух сотен лиг. Надеюсь, мы доберемся дней за пять или раньше. Идем с утра и до темноты, но день короткий, так что утомиться не должны. Если что с детьми – сразу ко мне. Еще один привал в полдень. Все понятно?

Тишина была ей ответом.

– Все понятно, – прошептал над ее ухом Орс. – Мы с тобой тоже... пойдём с женщинами?

– Нет, – успокоила великана Кама. – В голове отряда.

Их было, как сказал Орс, восемнадцать с половиной. Пять вельможных дам, две дочери Фортиса, которые и в самом деле оградили Каму почти от всех забот, четверо служанок, семеро малышей, самой маленькой из которых была грудная дочь Фелиса Адорири – Фулмента, и еще не рожденный ребенок Фалко Верти, который по всем приметам уже давно шевелился в животе прекрасной Флос и планировал в ближайшие дни выбираться на свет. Орс каждый час объез-

жал отряд и передавал Каме состояние ее подопечных в лицах, корча при этом уморительные гримасы.

– Дочки Фортиса – огонь. Что та, что другая. Следят за всем, но держатся ближе к этой матери наследника престола Бабу – к Боне. Но та все равно шипит. Хотя шипит беспричинно, потому как служанка у нее – просто чудо. Каламка Имбера, и вроде бы вольная. Красавица и сама доброта. Этот самый наследный принц Бабу держится за нее так крепко, что и не оторвать. Думаю, что он ее мамкой будет называть, а не эту... – недовольно кашлянул в кулак Орс.

– Что с Флос? – спросила Кама.

– Напугана, но крепится, – пожал плечами Орс. – Кобылка у нее спокойная, служанка имеется, правда, то ли ленива, то ли нерасторопна, но ничего, оботрется, оживет. Помогите нам Энки довести ее до Лаписа. Может родить со дня на день. Я, конечно, сказал ей, что сотни родов принял и ее в беде не оставлю, но боюсь, что напугал ее этим еще сильнее.

– Ты давно в зеркало-то смотрелся? – спросила Кама. – Крепится... Хотя, какое уж там зеркало... Ты хоть на тень свою посматривай время от времени. Сотни родов он принял. Да тебе на вид лет двадцать пять, это если прибавлять и прибавлять. Договорись, она на ходу рожать начнет.

– Ну, кто же мог подумать... – растерянно поскреб затылок Орс.

– И у тебя одна ладонь больше, чем вся ее голова, – продолжила Кама. – Ты ведь можешь двумя пальцами ей сразу оба уха заткнуть. Поедешь проверять еще раз, приглядишься к ее служанке. Предупреди, если что, пусть сразу же летит ко мне. Что там еще?

– Да все в порядке пока, – пробормотал Орс, окидывая взглядом равнину, на которой тут и там сквозь кружащийся снег чернели шатры, шалаши, землянки и собранные из всяких неудобий лачуги. – У Таркосы, что везет троих детей, один из которых, кстати, наследный принц Хонора, служанка – всем служанкам служанка. Она постарше других будет и как бы не мудрее всех нас, вместе взятых. Наследник-то с Таркосой, а две девчонки – с этой много-мудрой няней. Филой ее зовут. Обе малышки разместились перед ее седлом, она там чуть ли не корзину устроила для них, правда, и лошадь у няни здоровее прочих. Дочки Фортиса хотели помочь, но девки сразу вой подняли, не захотели от «старшей мамы» уходить.

– А у Страты как будто нет ни слуги, ни няни? – вспомнила Кама.

– Два парня у нее, – прищурился Орс. – Ну, так эта самая Страта из тех, что и в пустыне без воды не останется. Я слышал, что муж ее, Пуэр, самый веселый из всех принцев Бабу?

– Теперь, после смерти мужа Боны – Такитуса, Пуэр стал старшим, – вздохнула Кама. – Но есть еще Веритас...

– Ну, – развел руками Орс. – Не знаю, как там у них в Бабу, а оба парня Страты в порядке. Она ведь сама принцесса Фиденты, да? Считай, это ее родные края? Так вот оба они с довольными рожами едут на лошадях кирумских десятников. А их мамаша, наплевав на свою вельможность, болтает с твоим сотником.

– С полусотником, – поправила Орс Кама. – Это все? А как там Диа? Она же младшая сестра Страты. Как там ее малышка?

– Когда я проезжал в последний раз, сосала мамкину грудь, – расплылся в улыбке Орс. – На ходу. Служанка там имеется, да еще такая, что... – Орс сдвинул брови и торжественно напряг плечи, демонстрируя бравость чужой прислуги, – но она там разве что только для посылок. Эта Диа вряд ли кому доверит свою дочку. Кстати, – Орс оглянулся, – а вот и эта самая служанка. И, кажется, она хочет обогнать нас. Или к тебе скачет?

Кама обернулась. В самом деле, высокая и крепкая светловолосая девушка лет двадцати пяти торопила лошадь, обгоняя правящих конями за спиной Камы и Орс лучников. Кама заметила эту девчонку сразу. У всех взрослых и даже у всех слуг было оружие, но только у одной из служанок на поясе висели сразу два меча, а под гарнашем даже угадывался какой-

то доспех. Служанка догнала Каму, придержала лошадь, поклонилась, произнесла не громко, не тихо, а так, чтобы лучники не расслышали ее слов:

– Я не рабыня, Ваше Высочество. Через час уже стемнеет, вряд ли пройдем сегодня еще более пяти лиг, а через четыре лиги большое село, наверное, там будет ночевка. Позвольте переговорить с вами, пока мы на ходу.

– С чего ты взяла, что я не разговариваю с рабами? – удивилась Кама. – Да и где ты их видела? Впрочем, ладно. Говори.

Служанка взглянула на Орса:

– При этом здоровяке можно говорить все?

– Говорить можно все, – обернулась Кама к расплывшемуся в улыбке Орсу. – Но знать ему следует не все. Но ты ведь не собираешься обсуждать со мной какие-то женские секреты?

– Женские секреты? – удивилась на мгновение служанка, сверкнула голубыми глазами, пожала плечами. – В них есть что-то интересное? Я не за этим. Я с поклоном и просьбой, Ваше Высочество.

– Так проси же, – нахмурилась Кама.

– Вы помните меня? – спросила служанка.

– Нет, – покачала головой принцесса. – Хотя... Где-то я уже видела этот голубой взгляд.

– Меня зовут Ви, – сказала служанка. – Я вольная и не бедная, правда, мой дом в Утисе, и, скорее всего, он будет разрушен. Увидим. Я сопровождаю Диа с Фулментой только до Лаписса, Асперум, брат короля Утиса, попросил меня об этом одолжении.

– Одолжения? – удивилась Кама.

– Одолжения, – кивнула Ви. – А как назвать иначе, если я не получаю за это путешествие ни единой монеты? В Лаписсе служанки уже ждут Диа вместе с дочерью Фелиса Адорири. Впрочем, свой интерес у меня тоже имеется. Я хочу попроситься на службу к Дивинусу Тотуму. Кем бы он ни стал после возвращения в родное королевство его принцессы.

– Потому что ты служила его матери, Пустуле Тотум! – вспомнила Кама. – Я встречала тебя в коридорах северного крыла! Правда, ты была тоненькая и хрупкая... Но забыть твои голубые глаза – невозможно.

– Благодарю вас, Ваше Высочество, – поклонилась принцессе девушка. – Должна заметить, что, даже не будучи дурнушкой, я вижу – ваша красота затмевает цвет любых глаз.

– Эх, – крикнул Орс, – надо запомнить эти слова, вдруг да пригодятся когда?

– Так чего же ты хочешь? – улыбнулась великану и одарила частью улыбки просительницу Кама.

– Я выполняла для Пустулы самую грязную работу, – понизила голос Ви. – Она спасла меня от нищеты, подобрала на улице, но не сделала рабыней. Мать Дивинуса и Процеллы Тотум всем казалась не слишком хорошей женщиной, но внутри она состояла из мудрости, доброты и стальной воли.

– И из хитрости, – добавила Кама.

– Мудрость, выпавшая слабости, не может обойтись без хитрости, – пожала плечами Ви. – Я родом из Этуту. Из Хатусса. Валка. Родителей убили, меня забрали swei, но я сумела убежать. Ребенком добрела до Иевуса. Потом пошла на юг, к солнцу. И добрела до Утиса. Там меня заметила Пустула. Я украла хлеб у свейского торговца, он меня догнал, а когда принялся орать на меня, я ответила ему на свейском языке. Это и заинтересовало твою тетку, принцесса. А Пустула была настолько мудра, что как будто предвидела все на долгие годы вперед.

– Но только не собственную смерть, – заметила со вздохом Кама.

– Никто не может полагаться на свою безупречность, – опустила голову Ви. – Так или иначе, она вырастила меня. Ей нужно было немного, чтобы я помогала Процелле и Дивинусу осваивать науки, скорее даже училась вместе с ними, но главное – учила языки. Когда она меня подобрала, я могла говорить по-каламски, по-свейски, по-валлски, по-атерски. Когда я

выросла, то уже понимала и по-тирсенски, и по-арамански, по-аккадски и по-ханейски. Иногда Пустула давала мне особые поручения. Но первое время все, что от меня требовалось, это ходить за Пустулой тенью, прислушиваться и переводить ей то, что говорят торговцы, менялы и купцы, не зная, что каждое их слово становится понятным. У меня способности к изучению языков.

– А потом в Лаписе появились свеи, – начала что-то понимать Кама.

– Да, – кивнула, побледнев, Ви. – И Пустула приставила меня к ним. Это было недолго, сравнительно недолго, но это было очень тяжело. Я едва осталась жива. Они были жестоки, забавлялись со мной, как с игрушкой. Один из них, – Ви прикусила губу, вздохнула, – мог бы сравниться ростом с вашим спутником, Ваше Высочество. С ними я рассталась с девственностью и много раз едва не рассталась с жизнью. В том числе и потому, что каждый день махала мечами и топором, вызывая их веселье, а иногда и злость. Шрамов, во всяком случае на моем теле, предостаточно. Но я выжила. И даже принесла какую-то пользу своей благодетельнице, во всяком случае успела научить немного свейскому языку саму Пустулу. Но ей не приходилось переносить то, что переносила я.

– Они все погибли, – произнесла Кама. – Я слышала, что те свеи почти все погибли. Во всяком случае, большую их часть я убила сама. Остальные, в том числе и великан, который не только издевался над тобой, но и убил мою мать, погибли у стен Аббуту. Шесть лет назад.

– Я благодарна providению и тебе за возмездие моим и твоим обидчикам, – безразлично произнесла Ви. – Но это прошло и унеслось временем. Я почти забыла это, хотя, – она взглянула на побледневшего Орс, – все еще не люблю мужчин. Но Пустула рассчиталась со мной очень хорошо. Я ни в чем не нуждаюсь. разве только в том, чего не купишь за деньги.

– Есть и такое? – спросила Кама.

– Мир на этой земле, – пожал плечами Ви.

– Так в чем же твоя просьба? – сдвинула брови Кама.

– Я слышала, – Ви запнулась. – Я слышала, что ты знаешь язык гахов. Гахи скоро придут в Утис. Это точно. Когда-то Пустула почувствовала беду от свеев и стала учить свейский язык. Я хочу узнать гахский язык. Я знакома с принцем Фиденты Джокусом, пыталась расспросить его о гахах, он ведь ходил на юг с отрядом. Джокус сказал, что ты жила в стране гахов, ты ведь знаешь их язык?

– И как же ты собираешься его учить? – заинтересовалась Кама.

– Если ты позволишь, я буду ехать рядом, – прошептала Ви. – Мне нужно немного, главное, чтобы ты называла мне на гахском все, что видишь. Людей, одежду, оружие, небо, снег, дорогу, реку, облака. Все. За три-четыре дня я выучу все слова. Еще день потребуется, чтобы я научилась складывать эти слова друг с другом. Через неделю я буду понимать гахский язык и говорить на нем.

– Ты уверена? – оторопел Орс.

– Если бы я была уверена, я бы выучила язык за три дня, – твердо ответила Ви. – Я не уверена. Поэтому мне потребуется неделя.

– Хорошо, – заинтересовалась Кама, хотя ей вовсе не хотелось, чтобы голубоглазая валлка ехала рядом и заставляла ее произносить слова поганого языка. – Только мы поступим иначе. Я понимаю, что ты вольная, но ведь ты все равно помогаешь, служишь Диа? Хотя бы до Лаписа. Не отходи от нее. Рано или поздно ей потребуется помощь. Мы поступим иначе. Орс отправится туда вместе с тобой. Он мудр, не смотри на его юный вид. И гахский язык он знает много лучше меня. Он многое знает лучше меня. Понимаешь?

– Как будет угодно Вашему Высочеству, – поклонилась Каме Ви, развернула лошадь и погнала ее к оставленному месту в строю.

– Ты думаешь, что гахский язык и в самом деле можно изучить за неделю? – усмехнулся Орс. – Я учил его не один год.

– Какая разница? – поморщилась Кама. – Ты даже не будешь ее учить, только произносить слова, пусть учится сама. Пользуйся случаем, заводи знакомства среди вельмож. Когда-то ведь окончится эта война?

– Она еще толком и не началась, – заметил Орс.

– Я знаю, – кивнула Кама и с трудом удержала слезы, готовые покатиться из глаз. – Эта девчонка разбередила воспоминания. Отправляйся к ней. Мне нужно побыть одной.

– Хорошо, – кивнул Орс и придержал коня, но Кама обернулась и окликнула его:

– И постарайся сделать так, чтобы она хоть бы на крохотную толику избавилась от нелюбви к мужчинам.

– Не походное это дело, – прозвучал ответ Орса.

Уложиться в пять дней пути – не удалось, хотя отряд двигался довольно бодро, и даже дети не доставляли особых хлопот. Пожалуй, дорога лишь добавляла им спокойствия – лошади шли плавно, мамы или няни были рядом, даже Бона как будто притихла, занятая ребенком, и морозца так и не случилось вовсе, зато снег шел не переставая, не давая разгуляться ветру. Каме даже на второй день начало казаться, что войны нет вовсе, и ничего не было, и она, как прежде, правит лошадью, возвращаясь вместе с родными с фидентского торгового в родной Лапис. Мечты прервал крик светловолосой служанки Флос. Девчонка гнала лошадь мимо оторопевших лучников с истошным криком:

– Воды! Воды отошли!

– Тихо! – рывкнула на нее Кама, остановила отряд и поспешила назад.

У лошади Флос уже стояли все слуги, дочери Фортиса и Орс.

– Что тут у вас? – подошла к жене Фалко Верти Кама.

Флос сидела в седле бледная и испуганная. Увидев Каму, она вдруг скривила губы и заплакала. К принцессе обернулась седая няня детей Таркосы, нахмурилась, словно припоминала, кто это требует у нее отчета, и с явным тирсенским акцентом произнесла:

– Час или два у нас еще есть, но нельзя ехать на лошади, необходимо тепло, а там, где мы окажемся через час – горячая вода, чистая ткань, постель и тепло. И, – она кивнула на Орс, – вот этот громил тоже пригодится, кажется, он отличная повитуха, или как это называется у мужиков?

– У мужиков это не случается, – тревожно прогудел Орс. – А называть меня можно по имени, Филя. Я – Орс.

– Уж поняла, – кивнула женщина и посмотрела на Каму. – Я только слуга, Ваше Высочество, и умею все, но не могу править.

– Так, – Кама обернулась, кинула взгляд на подошедшего сотника. – Сколько прошли после последнего села?

– Так лиги три уже! – подкрутил ус сотник.

– Как зовут? – повернулась к служанке Флос Кама.

– Пигра, – залилась она слезами. – Пигрития...

– Чего ты реवेशь? – удивилась Кама. – Бегом! Нужны два теплых одеяла.

– Домита и Нубис, – Кама нашла взглядом дочерей Фортиса. – Скачите в село, которое мы миновали, ищите старосту. Мы будем там через час. Нам нужна просторная теплая изба на день или на два, горячая вода, постель, остальное у нас есть. Да намекните, что если в этом доме появится на свет принц или принцесса Фиденты, то слава и почет будут обеспечены его жителям на сто лет вперед.

Дочери Фортиса умчались по снежной дороге, Пигра притащила одеяла.

– Ты уже понял? – спросила Орс Каму.

– Как не понять, – расплылся в улыбке Орс. – Заверну и донесу. Да не беспокойся, тут даже плавного хода и в самом деле меньше часа. Так может, этот час будет самым счастливым в моей жизни?

– Разворачиваемся! – крикнула Кама и, взглянув в испуганное лицо Пигры, добавила: – Не отходи от Орса ни на шаг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.